

ФОНД
ПРЕЗИДЕНТСКИХ
ГРАНТОВ

Ближний Восток Северный Кавказ

культурная политика в деле укрепления
международного мира и межрелигиозного согласия

БЛИЖНИЙ ВОСТОК —
СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ
КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА
В ДЕЛЕ УКРЕПЛЕНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО
МИРА И МЕЖРЕЛИГИОЗНОГО СОГЛАСИЯ

Москва

2018

УДК 3
ББК 60
Б69

Б69 Ближний Восток — Северный Кавказ: культурная политика в деле укрепления межнационального мира и межрелигиозного согласия / Под ред., сост. М.И. Чернова. — М.: Издатель Воробьев А.В., 2018. — 144 с.

ISBN 978–5–93883–378–4

В данной книге представлены избранные материалы проекта «Ближний Восток — Северный Кавказ: культурная политика в деле укрепления межнационального мира и межрелигиозного согласия», реализованного при поддержке **Фонда президентских грантов** (№ 17-2-015284). В книгу вошли основные выступления, прозвучавшие на мероприятиях в Москве, Дербенте, Махачкале и Владикавказе. Материалы дают представление о проделанной коллективом проекта работе.

ISBN 978–5–93883–378–4

© Коллектив авторов, 2018
© ФОТОГРАФИИ, Долгопольский И.А., 2018
© Воробьев А.В., оформление, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

Резолюция международной конференции

«Положение этнических и религиозных меньшинств

в условиях многонационального региона» (Москва, май 2018) 7

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«Положение этнических и религиозных меньшинств

в условиях многонационального региона»

(Москва, Институт Наследия, Часть I, 29.05.2018)

Альбир-Хазрат КРГАНОВ.

Приветствие участникам конференции 11

Аарон ГУРЕВИЧ. Приветственное слово

«Люди доброй воли всегда найдут общий язык» 13

Евгений Владиславович БАХРЕВСКИЙ. Российская культурная

политика на Ближнем Востоке и на Кавказе 15

Юрий Вячеславович ШЕВЦОВ. Россия и культуры

этнорелигиозных меньшинств 19

Дмитрий Геннадьевич ЕВСТАФЬЕВ. «Мы должны научиться

ценить то, что имеем в России» 22

Аднан КАБАРТАЙ. Перспективы возвращения черкесских

соотечественников на историческую родину 25

Галина Амировна ХИЗРИЕВА. «Ответ Аднану Кабартаю» 30

Эскандар АЛЬ-ТЕРК. Роль защиты этнорелигиозного

многообразия в укреплении мира на примере Сирии 33

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«Положение этнических и религиозных меньшинств в условиях многонационального региона»

(Москва, Школа востоковедения НИУ–ВШЭ, Часть II, 31.05.2018)

<i>Алексей Александрович МАСЛОВ.</i> Приветственное слово	39
<i>Юрий Вячеславович ШЕВЦОВ.</i> «Пора привыкать к новой России»... 41	41
<i>Мордехай КЕЙДАР.</i> «Модель эмиратов» как способ разрешения этнорелигиозных и политических противоречий на Ближнем Востоке	44
<i>Галина Амировна ХИЗРИЕВА.</i> Теология насилия и перспективы региональной безопасности Ближнего Востока.....	51
<i>Вейсель КУРТ.</i> Фрагментированная политика Турции в Сирии.....	56
<i>Ариэль БУЛЬШТЕЙН.</i> Положение этнических и религиозных меньшинств в Израиле	61
<i>Хусейн АЛЬПТЕКИН.</i> Курдский вопрос в Турции: перемены и последовательное развитие в XXI веке	71

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«Перспективы сохранения национальной и религиозной традиции в условиях экстремизма»

(Дербент, кафедра ЮНЕСКО, Махачкала, Национальная библиотека 27–28 июня 2018 г.)

<i>Сергей Владимирович СНЕГИРЕВ.</i> Вступительное слово.....	79
<i>Давуд Рустамович ТУМАЛАЕВ.</i> «У нас есть содружество и единство»	81
<i>Ахмед Умарович ДЖАМАЛУТДИНОВ.</i> Борьба с пропагандой экстремизма в молодежной среде и профилактика терроризма ..	84
<i>Энгин ОЗЕР.</i> Модели сосуществования национальных и этнорелигиозных групп в рамках общего государства.....	92
<i>Имад АЛМАМА.</i> Нейтрализация источников терроризма: современный ислам	94

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«Северный Кавказ на стыке цивилизаций:
культурная политика как ресурс укрепления
межнационального мира и межрелигиозного согласия»
(Владикавказ, СОГУ, 19 октября 2018 г.)

<i>Михаил Игоревич ЧЕРНОВ.</i> Вступительное слово	99
<i>Руслан Сулейманович БЗАРОВ.</i> Центральный Кавказ в ритмах культурно-политической и геоэкономической истории	101
<i>Андрей Петрович КЕЛЕХСАЕВ.</i> Культурно-политические аспекты трансграничного сотрудничества	108
<i>Икбаль ДЮРРЕ.</i> Ближневосточный фактор в этнополитических процессах на Северном Кавказе.....	114

СМИ о проекте

<i>Михаил ЧЕРНОВ.</i> Основы будущего мира на Ближнем Востоке необходимо выстраивать уже сейчас (ИА «Реалист». 04.04.2018) ...	121
Религиозные противоречия Ближнего Востока: как выйти из кризиса? (Международная жизнь. 08.06.2018).....	128
<i>Мордехай КЕЙДАР.</i> «В Вашингтоне — говорят, а в Москве — делают» (jewish.ru. 17.08.2018)	136
Россия пришла на Ближний Восток надолго, заявил эксперт (РИА Новости. 26.08.2018)	140
Исламские теологи уделяют Дагестану особое внимание, заявили в муфтияте (РИА Новости. 26.08.2018).....	142

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ
Резолюция международной конференции
«Положение этнических и религиозных меньшинств
в условиях многонационального региона»
(Москва, май 2018)

ФОТО: Палаты Аверкия Кириллова. В этом здании располагалось Императорское Московское археологическое общество, а теперь — Институт Наследия. Здесь прошли основные мероприятия проекта и была принята резолюция

Мы, представители гражданского общества и научно-экспертного сообщества России и государств Ближнего Востока, представители евразийских и ближневосточных народов, последователи традиционных конфессий, собрались в Москве, чтобы объединить усилия в области народной дипломатии. Мы обращаемся к национальным и международным политическим и экономическим элитам, общественным лидерам и представителям гражданского общества.

Эскалация военных действий и политического противостояния на Ближнем Востоке несет угрозу физическому существованию этнических и религиозных меньшинств, наносит ущерб самому важному, что есть у народов региона — многотысячелетнему опыту межкуль-

турного взаимодействия. Регион рискует превратиться в социальную пустыню, что станет, безусловно, глобальной утратой.

Мы выступаем за сохранение традиционных культур и восстановление утраченного культурного наследия. Мы выступаем в защиту этнических и религиозных меньшинств без сегрегации и за их интеграцию во все сферы жизни общества и государства без ассимиляции и навязывания чуждых культурных и исторических ценностей.

Для этого требуется целостное изучение и понимание уникальных культур как самими их представителями, так и людьми из других культур и сфер, в том числе людьми науки и искусства. Благодаря работе с культурами и наследием этнических и религиозных меньшинств Ближнего Востока и Кавказа ведущие государства планеты смогут многое понять в своих собственных культурах и использовать новые возможности.

Мы заявляем, что национальные и этно-религиозные меньшинства со всем их культурным наследием, вне зависимости от того, насколько они велики или малы, являются важнейшим системным фактором, позволяющим обществу и развиваться, и сохранять стабильность, обогащать культуру больших народов и государств. Это в полной мере касается регионов Кавказа и Ближнего Востока.

Представители национальных и этно-религиозных меньшинств на всем протяжении человеческой истории играли огромную роль в становлении и развитии своих государств, занимали высшие посты, становились лидерами больших политических наций, совершали прорывы в науке и технике, социально-экономическом развитии, оставаясь при этом носителями собственных уникальных ценностей. Так было раньше, так будет и впредь, если мы сохраним и будем развивать в наших странах национальные культуры.

Экстремизм и терроризм уничтожают в обществе самое важное для души человека — живые народные культуры, которые нужны не только локальным государствам, но и всему мировому сообществу. Мы призываем покончить со всеми видами экстремизма и терроризма, всемерно содействовать прекращению войны, установлению мира и стабильности на Ближнем Востоке и в соседних регионах.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«Положение этнических и религиозных меньшинств в условиях многонационального региона»

(Москва, Институт Наследия, Часть I, 29.05.2018)

Альбир-Хазрат КРГАНОВ
муфтий Духовного собрания мусульман России (ДСМР)

Приветствие участникам конференции

Уважаемые друзья!

От имени Духовного собрания мусульман России, правоверных мусульман и себя лично сердечно приветствую участников международной конференции и выражаю всем свое искреннее уважение и глубокое почтение. Желаю вам и вашим близким мира, благословения и милости Всевышнего. Примите самые искренние слова благодарности за приглашение посетить столь значимое мероприятие, затрагивающее одну из самых важных сфер общества — межконфессиональный и межнациональный диалог. Современные глобальные процессы сопровождаются рядом новых вызовов и угроз человечеству. В этой связи политическим, общественным и религиозным лидерам необходимо предпринять активные своевременные усилия для защиты традиционных нравственных ценностей, обеспечения безопасности и надежного мира. Аллах в

священном Коране призывает к мирной обители, благополучию и наставляет на прямой путь тех, кого пожелает. Особую обеспокоенность вызывают экстремизм и терроризм, активно использующие религиозную риторику для оправдания своих преступных действий.

Дальнейшая судьба наших государств, без сомнения, в огромной степени зависит от всех нас: ученых, священнослужителей, общественных и государственных деятелей, людей труда, представителей науки, культуры, образования. Уверен, что ваша созидательная работа и активная гражданская позиция не только станут прочной основой для укрепления межнационального и межрелигиозного согласия на территории Российской Федерации, но и помогут восстановить и укрепить права и свободы на Ближнем Востоке. От всей души желаю участникам конференции плодотворной работы, новых достижений, успехов.

С уважением и добрыми молитвами, муфтий Духовного собрания мусульман России, член Общественной палаты Российской Федерации Альбир-Хазрат Крганов.

Аарон ГУРЕВИЧ

руководитель департамента Федерации еврейских общин России (ФЕОР)
по взаимодействию с Вооруженными Силами, МЧС
и правоохранительными учреждениями

Приветственное слово

«Люди доброй воли всегда найдут общий язык»

Уважаемые участники конференции!

В первую очередь хотел бы сказать слова благодарности организаторам. На мой взгляд, сегодня народная дипломатия — это наибольшая созидательная сила. Конечно, прекращение вооруженных конфликтов идет зачастую путем принуждения к миру, путем использования оружия: так было испокон веков в истории человечества. Но осознание того, что после завершения конфликта люди останутся в тех местах, где родились их предки, где история уходит вглубь тысячелетий, — это та данность, с кото-

рой в любом случае населяющим Ближний Восток народам жить дальше. Сегодня и на этой площадке, и на многих других российские общественные и религиозные организации прикладывают, на мой взгляд, титанические усилия, дабы показать, что Россия — наилучший пример того, как могут сосуществовать люди, принадлежащие к разным вероисповеданиям, к разным национальным группам. Типология того же Северного Кавказа схожа с Ближним Востоком. У нас есть регионы, где, как, например, в Дагестане, проживают более 100 национальностей. А ведь это только часть Северного Кавказа.

Обращая свой взор на Ближний Восток — на ту территорию, где сложилась непростая ситуация, гибнут люди, — надо понимать,

что откуда-то следует брать пример созидания и сохранения хрупкого мира: это просто необходимо. Такой пример есть здесь, в России. Необходимая работа ведется органами исполнительной власти, обладающими гражданской ответственностью общественными группами и организациями и, конечно же, всеми теми священнослужителями, которые настроены на межрелигиозный диалог. Я уверен, что люди доброй воли всегда найдут общий язык, как найдут сегодня общий язык эксперты, ученые и все те, кому тема положения религиозно-этнических меньшинств в условиях многонационального мира не чужда. Еще раз хочу пожелать всем участникам плодотворной работы и успехов. Спасибо!

Евгений Владиславович БАХРЕВСКИЙ

и.о. директора Института Наследия имени Д.С. Лихачева

Российская культурная политика на Ближнем Востоке и на Кавказе

Одним из важнейших направлений работы Института Наследия является государственная культурная политика. Государственная культурная политика для России — вещь немаловажная, потому что, как известно, более 90 процентов всех средств, которые тратятся в стране на культуру, — государственные. Определение курса государственной культурной политики — очень важная и довольно непростая задача, хотя бы потому, что мнений о том, как должна развиваться культура, много.

Очень важно утверждение, что Россия является отдельной страной-цивилизацией. Оно содержится в нескольких документах государственного планирования Российской Федерации. Так,

например, в «Основах государственной культурной политики» это записано напрямую. Возникает важный вопрос: что есть российская цивилизация? Недавно мы провели конференцию по этому поводу, пытались понять границы и определить понятие российской цивилизации не только на философском уровне, но и на уровне языка государственного управления.

При этом очевидно, что Россия, будучи гигантской страной-континентом, включает в себя целый ряд локальных цивилизаций, которые могут претендовать на самостоятельный статус. Например, есть такое движение, как «алтайская цивилизация». Ряд народов (как российских, так и не российских) пытаются формулировать свою принадлежность к алтайской цивилизации. Бытует такое понятие, как «кавказская цивилизация», «буддийская» и т.д. При этом совершенно очевидно, что цивилизационное единство России существует. И оно закреплено не только русским языком, но и культурными традициями, общими историческими судьбами и т.д.

В то же время не обращать внимания на локальные отличия тоже было бы совершенно ошибочно. Посмотреть хотя бы на Кавказ, большая часть которого входила и в состав Российской империи, и в состав СССР. Сейчас в составе России только Северный Кавказ. Но у нас используется весьма примечательное географическое понятие — Закавказье. Я в свое время пытался его рассматривать с исторической точки зрения. Так, например, город Карс, который более 50 лет входил в состав Российской империи, когда-то входил географически в понятие Закавказья. Сейчас Карс и Карсская область туда не входят. Но при этом совершенно очевидно, что Карс и значительная территория современной Турции совершенно конкретно принадлежат и очень родственно близки кавказской цивилизации и российским народам Северного Кавказа, и, естественно, народам Южного Кавказа или Закавказья. То же самое можно сказать об Иране. Целый ряд иранских областей — это совершенно определено очень близкие Кавказу регионы по культуре, языку, традициям и т.д. Возникает вопрос, где заканчивается Закавказье для России, потому что для нас Закавказье — это то, что за Кавказом, находится за Большим Кавказским хребтом. Вопрос вроде бы географический, но он абсолютно цивили-

зационный. Потому что, если брать опять же наш советский еще Южный Кавказ или Закавказье, то у нас был в истории такой факт, как образование первого автономного Красного Курдистана в 20-х годах XX века в составе Советского Азербайджана. Стало быть, та же история и курдского народа теснейшим образом связана с Кавказом. Если взять типологически курдскую культуру, то она тоже очень близка к тому, что мы понимаем под Кавказом. Если мы исторический Курдистан представим себе как продолжение кавказской цивилизации, то получится практически единый в культурном и цивилизационном отношении регион.

Это особенность кавказской цивилизации, региона, который характеризуется цивилизационным единством при совершенно разных и языках и религиях. Если мы посмотрим на Северный Кавказ, то, например, у некоторых адыгских народов, осетин и вайнахских народов материальная культура, хозяйство и большинство обычаев и традиций, фольклор практически идентичны. И это несмотря на то, что люди исповедуют разную религию и говорят на разных языках. Поэтому утверждение того, что существует цивилизационное единство при пестроте — это очень важный признак, который мы должны осознать и которым мы должны дорожить.

Но важно и то, что этому противостоит. Противостоят разного рода националистические проекты, которые возникли на развалинах империй: Российской империи, Османской империи и, частично, Ирана, когда были сформированы целый ряд националистических государств, и даже те же советские автономные республики Северного Кавказа в значительной степени формировались на базе так называемой политики коренизации, когда брались чисто националистические схемы и имплантировались в советский проект. Поэтому и сейчас, если рассмотреть проблему Ближнего Востока, они могут быть поняты как проблемы цивилизационно единого региона, но который раздирают националистические проекты, такие как арабский национализм, турецкий национализм, курдский национализм и другие национализмы. Если посмотреть на современное Закавказье, бывшие советские республики — это националистические проекты, которые абсолютно неестественны для региона. Есть огромное многообразие всех

этих регионов, если посмотреть на XIX век, население и Азербайджана, и Грузии, и Армении было очень разнородно. Сейчас во многих местах это практически моноэтнические формирования. Это абсолютно противоестественное состояние для цивилизационной картины региона. Впрочем, я не буду особенно распространяться на эту тему.

Хотел бы в заключение сказать о культурной политике, под которой мы понимаем не только меры собственно культуры, но и информационную политику, образовательную политику и т.д. Основной целью всей гуманитарной политики должно быть поддержание базовой концепции: единство цивилизационное при разнообразии этническом и религиозном. Спасибо!

Юрий Вячеславович ШЕВЦОВ

Республика Беларусь, член Научно-экспертного совета Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), эксперт в Центре политического анализа и стратегических исследований при партии «Нур Отан» (правящая партия) в Республике Казахстан, член Оргкомитета проекта

Россия и культуры этнорелигиозных меньшинств

Мне, с одной стороны, легко, я из Минска, с другой стороны, и сложно по той же самой причине. Легко в том плане, что над нами не висит множество тех коннотаций, сложных, исторических, которые, так или иначе, возникают во время диалога России с Востоком по восточным темам. С другой стороны, в силу того, что Беларусь маленькая и у нас гораздо меньше точек соприкосновения, может быть, поэтому какие-то слова мне будет произносить легче. Что мне кажется? Если говорить о регионе между Северным Кавказом и Ближним Востоком включительно, то деление этого региона, которое произошло, оно — логично. Просто оно нам не привычно. Почему мне кажется логичным? Первое, по той

причине, что Кавказ во многом представляет из себя споры тех культур, которые когда-то были огромными и большими, и сегодня они сохранились на Кавказе в виде малых народов, но с очень высокой степенью этнической идентичности. Эти споры при каких-то обстоятельствах могут выступить зерном, из которого опять развернется культура, как это произошло отчасти с армянами. Может быть, они могут стать и точками для глубокого контакта между, прежде всего, огромной мощной Россией, второй державой на планете по своей мощи, и ближневосточными культурами.

Второе, то урегулирование на Кавказе, которое мы видим последние 10–15 лет в России, несет в себе интересный опыт и для Ближнего Востока. Прежде всего, для таких проблемных стран, которыми сегодня являются Сирия и Ирак. Конечно, невозможно механистичное применение российских методов урегулирования конфликтов на Кавказе — это нельзя механически применять на Ближнем Востоке, но какие-то элементы неизбежны. Этими элементами, которые мне кажутся очень важными для обсуждения, возможно ли это применение на Ближнем Востоке, являются — стремление российского государства сохранить малые культуры, которые существуют на Кавказе. Ведь мог быть совершенно другой метод урегулирования. Могло быть то, что пытались сделать, слава Богу неудачно, многие исламские радикалы на Ближнем Востоке, то есть уничтожение малых культур. Россия, как видите, сумела их сохранить.

С другой стороны, то отношение к исламу, которое мы видим в российских исламских кавказских республиках, прежде всего в Дагестане и во всех остальных, — нацеленность на просвещение при сохранении высокой степени силового бескомпромиссного противодействия непримиримым радикалам — тоже имеет свой смысл для Ближнего Востока. Мне кажется, среди нас есть люди, которые разовьют эту мысль лучше, чем я. Но мне приходилось работать и наблюдать, как работает эта модель — просвещенный ислам при непримиримом государстве по отношению к радикалам. Мне приходилось это наблюдать в Таджикистане и Средней Азии. Там это сработало. Я был очень впечатлен тем, как в Таджикистане из суфийского принципа красоты была сформирована государственная идеология,

противостоящая тем диким формам исламского радикализма, которые идут из некоторых культурных групп из Афганистана. Этот просвещенный, глубокий, может быть красивый, может быть воинственный ислам сегодня распространен в России и является одним из главных методов и результатов урегулирования на Кавказе. Этот метод может быть в своей основе применен и на Ближнем Востоке.

Еще один момент — то, что мы сегодня видим в Сирии и Ираке, отчасти и в некоторых других странах региона, я имею в виду уничтожение или подавление тех малых христианских культур, которые существовали долгие столетия. Это очень сильно меняет лицо Ближнего Востока. Никогда Ближний Восток не был унифицирован в той степени, в которой мы видим попытку сделать это сегодня. Для этого региона с его огромными глубокими традициями подобная степень культурной унификации, которую предложили и попытались реализовать запрещенная в РФ ИГ и другие подобные структуры, неестественна. Здесь имеет смысл подумать о формах сохранения остатков некоторых малых культур и народов, которые пока выживают на Ближнем Востоке. Подумать при опоре на Россию. Как это сделать — вопрос открытый, но мне самому нравится идея нескольких аналогов армянского Эчмиадзина где-нибудь в исламской части России, то есть спор этих культур, находящихся сегодня под угрозой уничтожения, чтобы какие-то из этих спор были в какой-то форме сохранены на территории России или близких ей государств. Например, мы находимся в Институте Наследия, который представляет собой, в некотором смысле, одну из таких спор, почек, где Россия сохраняет свое культурное наследие. Нечто подобное надо подумать и относительно малых культур, прежде всего христианских, на Ближнем Востоке. Таким образом, я подвожу итог. Главным достоинством российского урегулирования на Кавказе, которое может быть в какой-то форме экстраполировано на Ближний Восток, выступает сохранение культурного разнообразия, даже самых малых культур на территории России. Второе: ставка на просвещенный ислам, на ислам с глубокой культурной традицией, который и получает защиту от государства, от тех диких форм религиозности, которые существуют и стимулируются нашими геополитическими противниками на Ближнем Востоке.

Дмитрий Геннадьевич ЕВСТАФЬЕВ

Модератор Конференции, председатель Оргкомитета проекта, профессор НИУ-ВШЭ

«Мы должны научиться ценить то, что имеем в России»

ФОТО (слева направо): Михаил Чернов, Ислам Валитов (имам-хатыб ДСМР), Дмитрий Евстафьев

Мы должны научиться ценить то, что мы имеем в России. Иногда, когда мы видим то, что происходит вокруг нашей многонациональной и многоконфессиональной страны, мы должны задумываться о том, какие последствия подобное развитие событий или подобные стереотипы поведения могли бы иметь для нас. И после этого задумываться о том, какой ценой, в том числе ценой взаимных уступок и взаимопонимания, было достигнуто то согласие, которое мы имеем сейчас в обществе. А также о том, насколько оно хрупкое и насколько мы должны очень внимательно и деликатно его беречь.

Хотел бы обратить ваше внимание буквально на несколько позиций, которые мне кажутся очень важными. Межкультурное вза-

имодействие в современном мире — это во многом вопрос согласия о дефинициях. Вот что для нас такое культура, история, традиции? Это элемент этнографии или же это часть живой ткани общества, те организационные институты, которые дают возможность обществу развиваться? Посмотрите, сегодняшний мир стоит на пороге очень глубоких изменений, прежде всего связанных с экономической структурой. Глобализация в том виде, как мы ее знали, вероятнее всего более неактуальна и прекратит свое существование. Она трансформируется во что-то новое, и мы должны быть готовы к этому самому новому, но ведь глобализация и модернизация — это одновременно и вызов, и ответ, но, прежде всего, вызов. Это вызов нашей способности сохранить собственную культуру, собственное наследие, собственное понимание того, что есть институты общества, ведь глобализация последних лет — это некий процесс, доведенный до крайнего технократизма, и, в какой-то мере, — это был некий экономизированный технократизированный атеизм, чтобы мы там ни говорили. А главный вызов этого атеизма, в конечном счете, заключался в социальной архаизации больших пространств, в которые имплантировались некие постиндустриальные компоненты. Что такое «Арабская весна», которую мы все наблюдали? Это архаизированное пространство, в котором расположены города, урбанизированные населенные пункты, оторванные от жизни, в которых начали происходить очень неприятные события, которые мы все наблюдаем уже около 10 лет. Из социальной атомизации города вышло нынешнее поколение радикального антисистемного салафизма, с которым мы столкнулись в Сирии и Ираке, да и на российском Кавказе тоже. Думаю, что мы еще столкнемся с ним в Европе, куда начинают возвращаться боевики. А из социальной архаизации деревни выросла массовая миграция и колонизация в чуждом культурном и социальном ландшафте. Эти два процесса абсолютно различны по вектору, но, тем не менее, и тот, и другой играют на дестабилизацию социального пространства, в котором мы живем. И тот, и другой процессы нацелены на демонтаж того, что мы называем традиционными институтами общества. Демонтаж традиционной культуры, выдаваемый за социальную модернизацию, еще нигде не привел ни к каким положительным результатам. Скорее мы получили в результате него ту самую социальную архаизацию, которая порождает радикализм, крайние формы религиозной активно-

сти, разного рода антисистемные секты, с которыми мы тоже, в том числе и в Евразии, столкнулись.

И я думаю, что это еще не конец, поэтому мы должны очень внимательно относиться именно к вопросам сохранения традиционных культурных и социальных институтов. Социальная модернизация, в конечном счете, это органическая уважительная интеграция национальных культур и традиций в контекст новых технологий и современных социальных экономических отношений, но не подавление традиционных культур и институтов общества.

То, что мы наблюдаем на Ближнем Востоке и наблюдали на Северном Кавказе, почему я считаю, что абсолютно правомерным является объединение этих двух регионов в один, — это вот на Северном Кавказе было сложнее, потому что там была трехполярная борьба различных институтов — институтов модерна, институтов очень архаических, старых, и абсолютно чуждых институтов многих радикально внесистемных, привнесенных в регион извне.

На Ближнем Востоке это борьба тоже, безусловно, институциональная. Борьба между остатками прежде всего социальных и экономических институтов модерна и тем, что мы можем назвать глобальной архаизацией. То есть мы все говорили здесь очень много о глобализации и проглядели очень важный процесс глобальной же архаизации. Потому что у нас возникают постиндустриальные анклавные, а наряду с этим у нас возникает абсолютно архаизированное гигантское пространство на протяжении континентов, где люди с точки зрения понимания социальных связей опустились на уровень, ну я бы сказал, середины XIX века.

Вот это то, что происходит на Ближнем Востоке. И если не учесть прежде всего культурные и социальные аспекты этого институционального противоборства, все дальнейшие политические обсуждения будут бессмысленными. Потому что негде будет реализовывать политическое урегулирование, потому что не будет участников политических процессов. В этом смысле мы, конечно, должны, в том числе и понимая необходимость обсуждать то, в каком месте находится секундная стрелка прямо сейчас, мы все-таки должны, особенно с точки зрения культуры, кросскультурных коммуникаций, думать о том, что у нас с циферблатом, потому что «циферблат» наш, к сожалению, может оказаться разбит в самое ближайшее время.

Аднан КАБАРТАЙ

генерал армии САА в отставке, представитель черкесской диаспоры

Перспективы возвращения черкесских соотечественников на историческую родину

В первую очередь я хочу поблагодарить Россию и русский народ за ту помощь, которую он оказывал и продолжает оказывать Сирии во всех сферах. Речь идет не только о военной помощи, но и помощи медиков и врачей, медицинских поставках, культурном сотрудничестве. Все это помогает сирийскому народу справиться с проблемами и пережить бедствия. Особо хочу отметить, что помощь эта не была выборочной. Она была оказана всему населению Сирии в рамках продвигаемого Россией процесса примирения враждующих сторон.

Если говорить непосредственно о культурных связях, то они активно развиваются. Не буду углубляться в детали, но эпохальным

мероприятием стал концерт Валерия Гергиева в освобожденной от боевиков сирийскими войсками при поддержке вооруженных сил РФ Пальмире. Российская армия помогла сохранить культурное и цивилизованное наследие, которое находилось под угрозой полного уничтожения экстремистами и террористами. Стоит отметить и многочисленные выставки в культурном центре РФ в Дамаске, а также других городах. Активно ведется обучение сирийцев русскому языку, проходят вечера, посвященные праздникам и национальным дням, идут обмены визитами на самых различных уровнях, проводятся совместные конференции и семинары.

Основная тема этого доклада касается черкесской проблематики. Советский Союз и Россия подготовили многих сирийских офицеров черкесского происхождения, в том числе высших офицерских чинов. Среди них бригадные генералы, командиры бронетанковых дивизий, первый военный летчик, специалисты по радиоэлектронной борьбе, кавалеры многих орденов.

Много можно говорить о культурном сотрудничестве сирийских черкесов со своей исторической родиной на Северном Кавказе, которое координирует организация «Родина». Многие черкесы обучаются в российских университетах. Выпущены сотни специалистов — медиков и учителей. Активно развивается сотрудничество с Кабардино-Балкарией и университетом Нальчика. Сирийские и иорданские черкесы тесно общаются со своими братьями на Северном Кавказе. Эти связи укрепляются и при содействии российского посольства в Дамаске. Совместно с черкесами проводятся мероприятия, посвященные очередной годовщине победы Советского Союза во Второй мировой войне. Количество смешанных браков измеряется тысячами. В Сирии живут 200 тысяч черкесов, которых связывают с их соплеменниками на Северном Кавказе узы дружбы и братства.

Черкесы широко представлены в сирийских органах власти: как в центральных, так и местных. С 1926 по 1928 год черкес Ахмад Нами был президентом республики, многие были министрами, работали и продолжают работать на дипломатическом поприще.

Во всех войнах Сирии, во всех сложных ситуациях мы всегда были с сирийским народом. Но мы не забываем и о наших связях

с Северным Кавказом. Все те, кто стремятся к возвращению на родину, говорят об этих вопросах с открытым сердцем!

Все люди хотят жить свободной жизнью, работать, получать образование. 90% черкесов живут вне своей исторической Родины, но не потеряли надежду на возвращение. И это несмотря на то, что прошло уже 158 лет с печальной годовщины потери Родины.

Конечно, тогда наши предки не могли знать, что произойдет с нашим народом. Теперь же нам необходимо укреплять наши связи, помнить об интересах тех, кто имеет право на возвращение. Возвращение на родину — насущный вопрос всех черкесов. Запад пытается вмешаться в эту проблему, пытаясь давить и обвинять Россию в якобы существующей дискриминации черкесов.

Вопрос возвращения, репатриации черкесов должен быть решен на самом высоком политическом уровне. Это должно быть справедливое решение, учитывающее интересы нашего народа. И здесь нет ничего неестественного в этом требовании. Решение черкесского вопроса никому не нанесет ущерба. Это реализация законных прав. Люди должны зажить достойной жизнью, и это должно быть осуществлено в рамках полного всеобъемлющего плана

Я проводил много встреч, писал исследования, книги о черкесах. Наши цели не изменились. На право возвращения существует большой запрос со стороны черкесов. И все зависит от тех, кто принимает решения в Кремле на высшем государственном уровне. Черкесы считают недопустимым с точки зрения международного законодательства тот факт, что они остаются вне своей исторической родины. Особенно это касается сирийских черкесов, которые после депортации 17 лет жили на Балканах, потом во второй раз в XIX веке были переселены в Сирию. А в 1967 году во время знаменитой Июньской войны (Шестидневная война 1967 года между Израилем и арабскими странами. — *прим. ред.*) они подверглись еще одной депортации уже с Голанских высот, где черкесские деревни были разрушены. Мы перенесли огромные страдания, поэтому сейчас мы должны сделать все для возвращения черкесов на историческую родину на Северный Кавказ.

История черкесско-российских отношений полна различных событий. Черкесы участвуют в различных процессах в русском

государстве и строят свою общность с российским народом начиная с царствования Ивана IV Грозного. История рода князей Черкасских богата, их верная служба отмечена всеми российскими царями и императорами. Черкесы сражались во всех войнах Российской империи и СССР, включая русско-турецкие войны, Первую и Вторую мировую, в которых проявили себя героически. Черкесы считают, что это и породило братство и любовь между народами.

Решить черкесскую проблему можно, только объединив усилия всех уровней власти, и федеральной и региональной. В своем историческом послании к народам Северного Кавказа в 1994 году президент России Борис Ельцин говорил: «События более чем вековой давности возвращают нас к далеким годам, когда в борьбе за Кавказ столкнулись интересы Российской империи, Великобритании, Франции, Ирана и Турции. Все эти государства несут свою долю ответственности за многострадальную судьбу горских народов... Проблемы, доставшиеся нам в наследство от Кавказской войны, и в частности возвращение потомков кавказских переселенцев на историческую родину, должны решаться на международном уровне путем переговоров с участием всех заинтересованных сторон».

Россия и Кавказ неразделимы, тесно связаны друг с другом. Демократическое государство должно обеспечить осуществление этой мечты о возвращении. Может, сегодняшние условия и отличаются от того, что было 20–25 лет назад, но черкесы откровенно говорят об этой проблеме: речь идет об исключительном праве российского руководства осуществить нашу мечту. Надеемся, что Москва примет на себя решение этой проблемы. Она будет действовать в интересах того, чтобы черкесы в дальнейшем соблюдали российское законодательство, ряд положений которого нужно скорректировать. Необходимо создать международный Фонд помощи черкесскому народу, который будет работать в координации с Минфином РФ, а также общественными организациями, которым интересен этот вопрос. Фонд позволит оказать всестороннюю всемирную помощь, разработать дорожную карту возвращения черкесов, учитывая и законодательный аспект, заняться которым может Государственная дума РФ. Необходимо сделать следующее:

- 1) обеспечить право на возвращение;
- 2) предоставить гражданство РФ всем желающим черкесам без исключения;
- 3) предоставить право жить в республике Северного Кавказа по их выбору;
- 4) предоставить право сохранить двойное гражданство;
- 5) решить все юридические вопросы, которые могут возникнуть;
- 6) создать министерство по делам возвращения;
- 7) координировать все действия совместно с международным сообществом.

Необходимо будет также обеспечить черкесов жильем и финансовой помощью на определенный срок, должны быть открыты соответствующие учебные заведения для адаптации молодежи, освобождены от уплаты налогов инвесторы, которые будут вкладываться в создание инфраструктуры, предоставлены всем желающим определенные земельные наделы и участки. В заключение: да здравствуют все черкесы, которые живут за пределами нашей родины.

Галина Амировна ХИЗРИЕВА

аналитик, исламовед

«Ответ Аднану Кабартаю»

Честно говоря, я не готовилась к этому выступлению, но в любом случае есть много аспектов, которые, может быть, следует раскрыть немножко поглубже. Например, то, что два спикера сегодня обратились к черкесской проблематике, наводит на мысль о том, что для Ближнего Востока, для всего арабо-мусульманского мира, включая османский мир, это очень важная тема. Но в этой связи можно сказать, что черкесский мир сам по себе неоднороден, в том числе неоднороден с точки зрения отношения к России и к российским инициативам в мире. Мы знаем, что крупные деструктивные события, такие как война, гражданская война или региональные конфликты, ставят людей по разные стороны баррикад не по этническому признаку, а по признаку политической лояльности. И в частности по поводу черкесской проблемы можно

сказать, что все то хорошее, что здесь предлагалось, можно было бы решить, если бы черкесская диаспора в целом была бы лояльна России и всем ее инициативам на Ближнем Востоке. Сегодня внутри черкесской диаспоры есть немало моментов, над которыми имеет смысл поработать, потрудиться. Прежде всего это консолидация внутри черкесской диаспоры. Не знаю, возможно ли добиться этого в краткосрочную, даже среднесрочную перспективу. Боюсь, что эта ситуация применима точно также ко всем другим диаспорам, которые в конфликтные периоды мировой истории или региональной истории страдают больше, чем основной этнос или принимающий этнос, хотя бы потому, что на основе этого разбитого сообщества ими манипулируют самые различные силы. Людям приходится выживать в самых различных политических системах, в том числе религиозных системах. Было бы, конечно, приятно, может быть даже чудесно, если бы проблемы такого рода решались бы легко, но мы видим, что когда происходят какие-то события; не важно уже теперь, черкесы или кто-то еще, это не исключительно для черкесов ситуация, она такова же для турок, осетин, например, для огромного количества, да в том числе даже для евреев, это тоже очень сложная ситуация, когда начинаются конфликты или межгосударственные конфликты. Было бы очень здорово, если бы мы пришли к тому, о чем сказал предыдущий оратор, к любви к ближнему в том числе, потому что мы все дети Всевышнего, и мы все имеем право на существование с нашей культурой, нашими языками, но, к сожалению, над этим еще очень и очень нужно много работать. Сегодня идет уже практическое применение тех разработок, которые называются конструированием наций. Будут возникать, скорее всего, новые нации для обслуживания определенных политических интересов, и такой случай, например, мне лично хорошо известен, потому что я сама разговаривала с людьми, которые имеют отношение к процессу конструирования самих себя, а именно речь идет о таком этносе, как рохинджа. Вот если углубиться в эту проблему, как следует, ее разложить на составные части, то становится совершенно очевидно, что люди, которые называют себя этносом, на самом деле являются инструментом. Я думаю, что таких этносов будет и на Бал-

канах, и на Ближнем Востоке в долгосрочной перспективе появляться все больше и больше. Интересно, что в последних разработках военного ведомства США появилась новая доктрина, в которой говорится о том, что главная борьба будет теперь не широкий фронт, не военный фронт, не фронт захвата государств, а разрушения национальной государственности не с помощью военных методов: это будет борьба с повстанческими движениями. Откуда они возьмутся, эти повстанцы? Думаю, что все здесь присутствующие очень глубоко разбираются в политических проблемах и ответ на этот вопрос каждый по сути дела знает, поэтому я не буду выяснять это в столь уважаемой аудитории.

Спасибо!

Эскандар АЛЬ-ТЕРК
пастор в католической церкви г. Хама

Роль защиты этнорелигиозного многообразия в укреплении мира на примере Сирии

Во имя Аллаха, наша любовь к Богу во имя человека, мир вам всем.

Я благодарю оргкомитет этой конференции за направленное мне приглашение принять участие в работе. Одна из наших целей — сделать все для того, чтобы способствовать установлению мира и стабильности, процветанию этнических и религиозных меньшинств нашего региона. Тема моего выступления касается защиты этнорелигиозного многообразия и укрепления мира на примере Сирии.

Наш регион в течение многих лет продолжал оставаться ареной различных конфликтов, и периоды относительного спокойствия были недолгими. Что касается того, что происходит, то, конечно, и другие, внешние, культуры и цивилизации присутствуют в нашем регионе.

И постольку, поскольку наш регион является колыбелью цивилизации, колыбелью культуры и религии, были те, кто способны выра-

ботать свою особую позицию, в том числе и с религиозной точки зрения. И даже еще в финикийском Угарите в Сирии до рождения Христа шла речь об уважении всех народов. Я не знаю другие народы, говорилось в документе, но я уважаю их. И именно в этом состояла основа культурного и цивилизационного многообразия региона.

В Сирии живут люди, которые исповедуют различные религии, но живут вместе и жили так на протяжении веков и тысячелетий. Я прежде всего гражданин Сирии, я христианин, я принадлежу этой земле. Как правильно говорил митрополит Джордж Кассам, наша история является свидетельством того, что мы находимся на территории, где было рождено слово и алфавит, Слово и Буква и затем воплотилось в Евангелии в христианстве, а в исламе в Коране. И, естественно, особенно на Ближнем Востоке, вопрос существования и бытия стоял всегда особенно остро. И все это на фоне многообразия и идеологического плюрализма, которым отличается наш регион. Предпринимаемые сегодня попытки превратить Ближний Восток в регион одного цвета, если можно так сказать, конечно, обречены на провал, потому что они обрекают регион на бесконечные войны и агрессию. Такой подход искажает представление у представителей других религий, прежде всего христианства, да и ислама, который совершенно несправедливо приравнивают к терроризму.

В этой связи мы, как христиане, сирийцы, разделяем позицию наших братьев, с которыми всегда жили вместе. Мы все происходим из одного культурного слоя, и каждый из нас внес свой вклад в формирование сирийской и мировой культуры в соответствии со своим призванием. Культурная общность между христианами, мусульманами, курдами, черкесами, друзьями не подвергается сомнению. Все мы внесли свой вклад в сирийскую палитру в тот или иной исторический период. Конечно, мы должны и дальше жить и созидать вместе — мы едины перед Аллахом, перед Богом, перед Историей. Роль религии чрезвычайно важна. Она должна ответить на вопросы, которые сейчас ставит История. Религии — плод взаимодействия цивилизаций, и они ответственны за то, чтобы сообщать правильный вектор развития нашей цивилизации.

Теперь о насущном, о приземленных реалиях, о Сирии. Нам необходимо извлечь уроки из ситуации, чтобы обратить внимание

наших новых поколений на то, что случилось с нами.

Все сирийцы внесли вклад в становление своего государства. Особенный вклад в государственное строительство внес президент Хафез Асад. Конечно, не он один участвовал в этом процессе, но способствовал сплочению государства, формированию национального единства и защищал его. Но война, которая началась в Сирии, вызвала множество вопросов. Как мы жили, правильно ли жили, справедливо ли было устройство общества? Произошедшее заставило нас подумать о смысле бытия. Ибо существует мудрость: противник ваш играет так, как вы позволяете ему это делать. Случившееся в Сирии стало результатом того, как, образно выражаясь, «через щели, окна» к нам проникли те силы, которые смогли развязать войну, сделать то, что сделали в условиях пассивности и несопротивления. Несопропротивления общества, других сил, которые могли бы дать отпор, но не сделали этого. Поэтому давайте зададимся вопросом: куда делась эта основа, которая позволяла нам жить вместе в Сирии на протяжении веков? Христиане и мусульмане веками жили вместе и были удовлетворены этим. Куда это все делось? Куда делась наша общность?

На протяжении всей нашей истории мы смогли преодолеть множество трудностей, много турбулентных процессов. Что надо сделать сегодня, чтобы преодолеть эти сложности? Как нам действовать и как нам строить, обеспечивать наше будущее в рамках Сирийского государства, которое гарантировало и обеспечивало право на идентичность, на справедливость всем народам и национальностям? Как отменить этот ложный пресловутый принцип большинства и меньшинства? Современное государство уважается всеми и каждым независимо от его принадлежности к большинству или меньшинству. Но, к сожалению, во многом благодаря финансированию со стороны стран Персидского залива, к сожалению, распространялась другая идеология. Неужели здесь применим принцип «богу — богово, а кесарю — кесарево»? Ответ на этот вопрос мы можем найти, когда мы смотрим на нашу историю. Надо обратить внимание на то, что нас объединяет. Действительно, нужно думать о правах человека. Еще Иустин Философ, один из первых философов, живший во II веке н. э., говорил о со-

кровенной сущности любви Божией. Он говорил, что любовь Божия проявляется в любви к ближнему. Единство источника всего живого и сущего — оно должно быть основой нашего существования и должно вести нас к единой цели. Единая судьба не означает единого пути во всех случаях, поэтому встает вопрос о братстве и родственных связях нашего народа: кто является ближним? По Евангелию, это тот, кто пользуется любовью Бога.

Нужно называть вещи своими именами. Во время своего визита в Дамаск в 2001 году папа Иоанн Павел II говорил об опасностях и вызовах, с которыми могут столкнуться все слои сирийского общества. От нас требовалось осознание принадлежности к одной мировой цивилизации, выступление против переселения народов, представителей различных религий, против их насильственной депортации. Но это предупреждение не было, к сожалению, услышано. Но это был звонок, тревожный звонок. Раздавались голоса, которые звучали в эпоху так называемой «Арабской весны». Они говорили о необходимости сохранения единой страны. Но, к сожалению, некоторые вещи были преданы забвению. И каждая составляющая общества, его части, к сожалению, были разъединены.

Необходимо учесть и следующий момент. Распространение коррупции, разрастание ее принесло как бы с собой тех, кто под ложными лозунгами обеспечения безопасности пользовался неограниченной властью и, к сожалению, нанес большой ущерб. После этого мы столкнулись с «Джебхат ан-Нусра» и с ИГ (группировки, запрещенные в России), которые паразитировали на исламских идеях. Ни христиане, ни мусульмане не должны были чувствовать себя изолированными. Поэтому мы сейчас выступаем за сплочение, за то, чтобы роль гражданства для всех без исключения была очень важной. Естественно, в государстве должен быть президент, должно быть правительство, они должны выражать интересы всех без исключения. Как вот в Англии, например, символ божественной защиты государства — это королева. И сейчас мы должны учитывать, что наше будущее в руках того государства, которое мы создадим. Все интересы всех меньшинств, всех слоев народа должны быть защищены той властью, которая управляет данным государством. Благодарю вас за внимание.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«Положение этнических и религиозных меньшинств в условиях многонационального региона»

(Москва, Школа востоковедения НИУ–ВШЭ,
Часть II, 31.05.2018)

Алексей Александрович МАСЛОВ
директор Школы востоковедения НИУ-ВШЭ

Приветственное слово

Мне очень приятно видеть много знакомых и приятных мне лиц, с которыми мы регулярно встречаемся, обсуждаем серьезные вопросы, которые касаются и этнического развития, и конфликтных ситуаций. На мой взгляд, в мире актуальны как минимум тристораживающие тенденции.

Во-первых, конечно, количество этнических конфликтов и конфликтов, связанных с религиозными проблемами, не уменьшается, а увеличивается. По нашим подсчетам, в странах Восточной Азии, которые были всегда очень спокойны с точки зрения религиозных конфликтов, конфликтность возросла почти на 20–25 процентов. Если переместиться на Ближний Восток, то за последние десять лет количество таких конфликтов выросло почти на 55–60 процентов. И никаких реальных возможностей урегулиро-

вать их быстро не просматривается. Это первый момент, который для нас очень важен.

Второй, не менее важный момент — это то, что начинается увязывание развития этнических меньшинств с вопросами их экономического развития, потому что многие противоречия связаны с низким уровнем такового, плачевным финансовым состоянием регионов их проживания. При этом очевидно, что далеко не всегда крупные капиталовложения в этнические регионы автоматически способствуют снижению конфликтности. То есть, к сожалению, требования к финансированию «этнических» регионов увеличиваются, а количество конфликтов далеко не обязательно снижается. Это второй момент: не все связано с деньгами.

Третий момент, который связан с позитивной тенденцией: эти вопросы начинают обсуждаться на глубоком экспертном уровне. Долгое время было не так: проблемы обсуждались на уровне политологов, специалистов по международным отношениям, но без людей, которые непосредственно сами глубоко связаны с этими конфликтными ситуациями. То есть был некий разрыв. Сейчас мы начинаем поднимать вопросы на очень высоком экспертном уровне, и наше мнение мы доносим до правительства и администрации президента. Мы держим руку на пульсе и регулярно сообщаем, что творится в странах Ближнего Востока, на стыке между Ближним Востоком, странами Центральной Азии, Восточной Азии и как Россия может быть задействована в разрешении конфликтных ситуаций. Без такого «донесения», «канала наверх» наши разговоры так бы и оставались междусобойчиком в экспертных кругах. Мы всегда рады, когда по итогам таких круглых столов рождаются какие-то документы, ведется протокол, потому что мы всегда готовы вынести результаты на самый высокий уровень, который только возможен. Еще раз спасибо большое за то, что вы выбираете нашу площадку для проведения таких круглых столов. Всегда рады вас видеть!

Юрий Вячеславович ШЕВЦОВ

Республика Беларусь, член Научно-экспертного совета Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), эксперт в Центре политического анализа и стратегических исследований при партии «Нур Отан» (правящая партия) в Республике Казахстан, модератор конференции

«Пора привыкать к новой России»

На этой конференции присутствовали в основном люди для России новые, и в этом ее первый и самый большой плюс. Потому что Ближний Восток быстро меняется, на Ближнем Востоке идет две большие войны, и впереди может быть еще больше, и потому появление новых людей здесь, в Москве, отражает новые изменения, реально происходящие в этом очень сложном и динамичном регионе. Поэтому первый плюс — это наличие новых людей, которые представляют те общности, которые выжили в этом нынешнем воюющем регионе.

Второе. И этим людям надо привыкнуть к России, и России надо привыкнуть к ним. В этом смысле эта конференция — это

начало большого пути. На этом пути придется заново знакомиться всем друг с другом и подбирать общий язык друг с другом в большинстве случаев почти с нуля. В плане политическом мне кажется, что основной задачей этого длинного пути будет найти такие формулы российской политики на Ближнем Востоке, которые будут приемлемы для ее естественных союзников в этом регионе. Союзниками России на Ближнем Востоке выступают все те, кто не хотят тотальной жесткой культурной унификации этого региона, прежде всего силами радикального исламизма.

Поэтому все те или большая часть тех, кто хотят видеть Ближний Восток многообразным, культурно многоцветным, для них естественным ориентиром может быть Россия. Из российского опыта работы в исламском мире, мне кажется, на Ближнем Востоке могут быть применимы элементы того, что Россия осуществила на Кавказе. Еще в 1990-х годах Кавказ был маленьким Ближним Востоком. Там шла война, война примерно с теми же субъектами войны, с которыми сегодня воюют в Сирии и в Ираке, — то есть радикальные исламисты и стоящие за ними силы, ну и плюс разного рода криминал.

Но Россия сумела успокоить свой Кавказ. И сегодня мы видим, что Чечня, с которой было две войны, — одна из опор России на Кавказе и на Ближнем Востоке. Так же и по другим республикам. То есть тот опыт, который Россия приобрела на своем Кавказе, наверняка может иметь хотя бы элементы востребованности и на Ближнем Востоке. Какие это могут быть элементы? Я думаю, первое — это защита культурного многообразия региона. В отличие от сторонников халифата, в какой бы форме они ни выступали, Россия на Кавказе осуществила регулирование, не подавляя, не уничтожая культурно своеобразные даже самые мелкие народы. Это важно.

Второе. Россия взяла под защиту своего оружия тот вид ислама, который апеллирует к защите традиций и к глубинному просвещенному исламу. В основе это, видимо, можно назвать суфийским исламом, в отличие от тех версий исламского радикализма, которых придерживается, например, то же ИГ (запрещено в России). Поэтому вот эта защита силой оружия просвещенного ислама —

это второе, что может быть интересно Ближнему Востоку с его глубокой исламской традицией. Поэтому мне кажется, что здесь можно найти точки соприкосновения.

Затем, на территории России, прежде всего на Кавказе, находятся множество небольших очень развитых народов с яркой идентичностью. И эти народы во многих случаях являются своего рода спорами огромных угасших миров. И эти споры при каких-то обстоятельствах могут развернуться опять в какие-то большие развитые культуры. Если брать в качестве примера, я бы взял черкесов или адыгов, проживающих на территории России. У них много разного рода административных образований, но еще больше адыгов и черкесов на Ближнем Востоке.

Из этой культуры, из этой особенности, что на родине, в России, осталось немало черкесов, где у них есть своя государственность в виде национальных республик (или, как в случае с Абхазией, отдельного государства), создаются предпосылки к тому, чтобы эти кавказские черкесские республики могли бы стать точкой соприкосновения с большим черкесским миром Ближнего Востока, который очень влиятелен в ряде стран. Есть и другие примеры, когда российские автономии могут порождать такие формы идеологии и культуры, которые могут вызывать интерес на Ближнем Востоке и делать возможным глубокий контакт России и некоторых ближневосточных культур.

Так вот эта особенность российского Кавказа может обернуться как злом, так и добром. Но мне кажется, что те формы урегулирования, которые Россия осуществила на Кавказе, создали предпосылки для того, чтобы эти автономии, эти небольшие народы Кавказа все-таки выступили инструментами позитивного преобразования Ближнего Востока при опоре в значительной степени на Россию.

Мордехай КЕЙДАР

полковник военной разведки (АМАН) в отставке, арабист,
профессор Университета Бар-Илан в Рамат-Гане

«Модель эмиратов» как способ разрешения этнорелигиозных и политических противоречий на Ближнем Востоке

Добрый день, спасибо большое организаторам и участникам за интересную дискуссию. Я попытаюсь в рамочной форме представить суть процессов на Ближнем Востоке и дать свое видение решения ближневосточных проблем. Когда мы говорим о современном Ближнем Востоке, можно его описать с помощью матрицы. Одна ось — это дискурс, другая — дефиниции.

Итак, дискурс. Обычно, что люди говорят, то они и думают. И в рамках дискурса мы видим некие противоречия между традицией с одной стороны, и модернизмом, с другой. Традиция на Ближнем Во-

стоке связана с группами и групповым мышлением. Во-первых, принадлежность к религиозной группе. Вы христианин или мусульманин, иудей, алавит, друз, езид, зороастриец, сабеи, мандеи и т.д. Не менее 10 религий, и это только в Ираке, в других странах — то же самое. Так что, прежде всего, определение по отношению к религии.

Во-вторых, следующий уровень — это принадлежность к секте, группе внутри религии. И тогда вы можете быть суннитом, шиитом, салафитом, суфием и т.д., если вы мусульманин. Или же католиком, принадлежать к сирийской церкви, православным и т.п., если вы христианин. Это тоже определяет, кто вы и что вы и какую группу вы представляете, к какой группе принадлежите.

Третье разделение связано с этнической принадлежностью. Вы араб, курд, туркмен, бербер (когда речь идет о Северной Африке). Это этнические дефиниции или определения в рамках традиционного общества. Потому что отношения внутри общества также зачастую связаны с этническим происхождением. Но и внутри этноса есть свои подразделения: племя, клан, семья, расширенная семья и. И эти дефиниции, определения имеют значение. Если ты один из нас — ты мой друг. Но если ты из другой семьи или другого племени, или другой этнической группы, или принадлежите к другой религии или другой секте — ты мой враг, даже если живешь в километре от меня, и мы граждане одной страны. Потому что если вы мыслите категориями племени, этнической и религиозной группы, секты, то вы живете в рамках системы ценностей традиционного общества — у вас традиционное мышление.

В то же время другая сторона той же оси — это государство. Современное государство вроде Ирака, Сирии, Ливия или Судан. А государство — это современная концепция, привнесенная в регион колониалистами. И государство старается все эти традиционные лояльности и определения вытеснить на обочину! Потому что если у вас иракский паспорт, то любой носитель такого же паспорта — ваш брат. И неважно, что вы араб, а он курд, вы христианин, а он мусульманин, не важна ваша племенная принадлежность. Согласно модернистской концепции, к вашей общности принадлежат носители того же паспорта: они ваши друзья и братья, с которыми вы находитесь в идеальной гармонии.

То есть люди, живущие на Ближнем Востоке, определяют себя по-разному: в традиционной системе координат и ценностей (религий, сект, этносов, кланов и т.п.) или в модернистской (государственной). То есть даже на уровне дефиниций Ближний Восток разорван, разделен. И этот разрыв, борьба проходит не только внутри каждого государства, каждой семьи, но и в каждом сердце. Кто я? Курд или иракец, мусульманин или сириец? Как мне определить себя, а как моего брата, сестру, соседей с моей улицы? И вот эти противоречия в самоопределении и являются сегодня источником большинства проблем на Ближнем Востоке.

С дискурсом закончили, теперь другая ось координат — дефиниции, определения. А что мы, собственно говоря, определяем? И определения даются с точки зрения традиционного дискурса или модернистского? Что такое мир, в котором мы все нуждаемся? Означает ли это, что мы женимся друг на друге, мусульмане и христиане, арабы и курды? Или мы просто оставляем друг друга в покое? Так что же такое мир? Это мир, например, между Сирией и Ираком? Мы сотрудничаем по всем направлениям или просто не трогаем друг друга и охраняем границы? Это не пустой вопрос. Все мы помним ситуацию с сирийской и иракской ветвями Партии арабского социалистического возрождения (БААС), между Хафезом Асадом и Саддамом Хуссейном. Да, был мир, но не было сотрудничества. Они просто не трогали друг друга, то есть как мы живем с нашим соседом, будь то другое государство или другая религия. Это очень сложный вопрос, потому что каждый определяет мир по-своему.

Что такое государство, определение государства? Государство — это нечто, чего мы хотим, чтобы объединиться под одним флагом и национальным гимном, под руководством лидера страны, под идеей государственности, которой мы все служим и которую мы все разделяем? Это современное определение.

Или государство — это то, что должно, прежде всего, обслуживать мою группу или секту, которая это государство контролирует? Предположим, я алавит и живу в Сирии. Что такое Сирия? Мы все, сирийцы, братья — христиане, мусульмане, алавиты и т. д. Или же Сирия — это инструмент, который служит алавитской общине

против других групп, например суннитов. Мы были свидетелями всплеск насилия в 1976 и 1982 годах между правительством и «Братьями-мусульманами» (запрещены в России). То есть определение государства непрозрачно и понимается всеми по-разному. Государство служит всем или только интересам правящей элиты?

Что такое режим? Режим — это те, кому мы доверяем, лидер, которого мы все должны принять, или это тот, кто просто силой взял власть и которому мы все должны подчиняться, потому что иначе нас бросят в подвал и будут пытаться?

Что такое легитимность? Как обеспечивается легитимность режима? Через выборы? Свободные выборы? Были ли когда-нибудь вообще свободные выборы в Сирии или в Ираке до 2004 года? Были ли свободные выборы в Ливии, чтобы легитимизировать режим? Или легитимность обеспечивается силой? Над могилой Хафеза Асада начертаны слова из Корана: «Подчиняйся Аллаху, подчиняйся Пророку и подчиняйся тому, кто тобой управляет». То есть имеется в виду, даже если тобой управляет «неверный», а таковыми сунниты считают алавитов и, соответственно, Асада. То есть опять как обеспечивается легитимность? Силой, выборами или Кораном? Совершенно разные, так сказать, ответы и подходы.

Как мы принимаем других, тех, кто живет с нами? Принимаем ли мы «другого», так сказать, через сотрудничество, через поцелуи и любовь или терпим через силу только до тех пор, пока он не вторгается в наше пространство? То есть если он «где-то там», то это приемлемо, а если приходит к тебе, становится «проблемой», потому что он «переступает черту». И все это те проблемы, которые люди на Ближнем Востоке пока еще не разрешили.

Далее. Что такое образование? Мы все думаем, что если следующее поколение будет хорошо образованным, то тогда будущее будет значительно лучше, чем сегодняшний день? Мы об этом слышим от всех политических сил, от всего спектра. Мы все инвестируем в образование, в ООН и многие международные организации и образовательные и т.д. Отовсюду слышим: «Образование, образование, образование». Но обучение чему? Каково содержание этого образования? Во что мы верим? В деление общества на изолированные страты по религиозному признаку? В трайбализм? Ка-

ковы те ценности, которым мы учим наших детей, чтобы они их приняли и полюбили? Это «племенное» образование или государственное образование, которое выступает против трайбалистского мышления? Вы обучаете детей религиозным концепциям, которые в некоторых случаях рассматривают другие религии в качестве врагов или неверных? Или это светское образование, которое исключает влияние религии на формирование молодежи? Так что слово «образование» само по себе ничего не значит, поскольку сразу встает вопрос, какое содержание мы вкладываем в понятие образования, чему мы будем учить следующее поколение?

И если мы не знаем, чему мы будем учить следующее поколение, то мы, собственно, воспроизводим наши проблемы, делаем их вечными. Они будут обречены жить так же, как и мы, и страдать от тех же самых проблем. Или же надо менять культуру, менять образование! То есть мы предполагаем, что родители будут отправлять детей учиться тому, что противоречит их культуре! Я не уверен, что родитель направит своего ребенка учиться тому, во что сам не верит. Например, представьте себе вопрос отношений мужчины и женщины. Современные концепции говорят о равенстве полов, свободе... Во многих районах Ближнего Востока абсолютно неприемлемо! Что такое свободная женщина? Это женщина, которая вправе выбрать себе супруга. Во многих местах это неприемлемо. Свобода, скажем, двадцатилетней девушки делать, что она пожелает и с кем пожелает. Вы понимаете, о чем я: свободные отношения между мужчиной и женщиной. Абсолютно неприемлемо во многих обществах Ближнего Востока! То есть учим следующее поколение свободе? И приходит ребенок из школы домой и говорит родителям: «Сегодня нас в школе учили свободе, что каждому мужчине и каждой женщине гарантирована свобода, потому что человек рожден свободным. Каждый имеет право делать что угодно, если это не противоречит закону и не вредит другим». Я не уверен, что это понравится отцу и он на следующее утро отправит ребенка в ту же самую школу. То есть если люди не определились с характером образования, с дефиницией, определением, чему будут учить, — они не будут с такой системой сотрудничать! Любой родитель хочет, чтобы ребенок был копией матери или отца. И это одна из серьез-

нейших проблем. Потому что очень большие средства инвестируются и ООН, и другими организациями для того, чтобы развивать образование на Ближнем Востоке. Но обучение чему? Какое образование? Этой проблеме очень трудно найти решение.

Таким образом, дискурс и дефиниции порождают проблемы на Ближнем Востоке между модернизмом, с одной стороны, и традиционным мышлением, с другой. И это источник всего зла, происходящего на Ближнем Востоке — от Ирака на востоке до Марокко на западе и от Сирии на севере до Йемена на юге. Так что проблемы содержатся в дискурсе и дефинициях, модернизме и традиционализме и, конечно, в выводах, которые люди из всего это делают.

Так что нет никакого иного выхода, кроме того как уважать ценности, традиции, потому что на изменение культуры уходят века. Вот подумайте сами. Скажем, в Европе эти изменения начались в начале XIII века с появления Magna Charta в Британии, когда монарх начал отказываться от части властных полномочий. Вообще демократия — это результат семисотлетнего процесса эволюции, достижений и отхода назад, турбулентности, крови и войн. Войны, в том числе и Первая и Вторая мировые, были результатом этих изменений, пути от монархий до демократии сегодняшнего дня. И ближневосточные народы тоже переживают быстрые и бурные изменения: как им определить себя, свою группу, каковы должны быть отношения между режимом и гражданами. Сегодняшняя Европа пришла к нынешнему положению после 700 лет изменений.

На Ближнем Востоке этот процесс стартовал в начале XIX века, когда Наполеон прибыл в Египет и запустил модернизацию. Всего 220 лет. И что, следует ожидать, что Ближний Восток за 200 лет пройдет путь, который Европа прошла за 700 лет, что за 200 лет в ближневосточном обществе появятся процветающие демократии, хотя еще 100 лет назад полностью господствовал трайбализм? Это абсолютно невозможно. Мы не можем так быстро ожидать реальных изменений. Это должен быть медленный процесс, потому что культура меняется медленно и такие изменения требуют и усилий и крови. Точно так же как это было в Европе!

Так что, поскольку мы сейчас переживаем период турбулентности, мы должны искать решения. И эти решения нельзя найти че-

рез навязывание западных или европейских моделей сообществам, которые не верят в созданные человеком законы. Аллах — источник закона. Они не верят в равенство, в том числе в равенство между мусульманами и христианами, езидами, алавитами, евреями... И это, кстати, проблема Израиля — еврейское государство не принимают. Нужно менять культуру, прежде чем изменятся режимы и государства! А это требует, повторюсь, времени и усилий.

Именно поэтому на сегодняшний день нет иного пути решения ближневосточных проблем, кроме как применить «модель эмиратов».

Британцы создали Ирак, французы — Сирию и Ливан, но в итоге и те и другие оставили после себя ад из-за всех этих проблем, вызванных разрывом между государством модерна и традиционным обществом.

А вот в Персидском заливе эти ошибки Великобританией были учтены, и, уходя, британцы оставили в основном однородные страны с однотипным мышлением, традициями, культурой. Они оставили стабильные, легитимные государства. Легитимные, потому что они основаны на племенах и кланах. Кувейт — это государство семьи Аль-Сабах, там есть меньшинства, но у них нет политических ожиданий и все довольны, а Катар — государство семьи Аль-Тани. При этом там есть государства с огромными запасами нефти и газа (Кувейт, Катар, Абу-Даби) и государства, где их нет, как, например, Дубай, где углеводороды дают мизерный процент ВВП.

Поэтому необходимо исправить наследие колонизаторов, создав государства, основанные на стабильных, легитимных в глазах населения традиционных племенных структурах и эмиратах по образцу монархий Персидского залива. Таким образом будет обеспечена безопасность и стабильность в достаточно однородных по составу странах и появятся новые возможности для развития. В частности, это оптимальный вариант для решения палестинской проблемы. В Палестинской автономии собраны кланы и группы самого разного происхождения, которым просто не ужиться друг с другом. Речь идет о районах Дженина, Тулькарма, Калькильи, Иерихона, Шхема, Рамаллы, арабской части Хеврона и сектора Газа. Лишь эмиратизация региона вдохнет жизнь, свободу и обеспечит процветание и будущее этому региону. Спасибо за внимание.

Галина Амировна ХИЗРИЕВА

аналитик, исламовед

Теология насилия и перспективы региональной безопасности Ближнего Востока

В своем выступлении я постараюсь затронуть еще один аспект, который для нас для всех, независимо от того, на Ближнем Востоке мы живем или в какой-либо другой стране, является очень важным и связан с безопасностью всех без исключения стран, в том числе и Латинской Америки. После путешествия туда я это тоже отчетливо поняла. Речь идет о распространении теологии насилия. Борьба с этим, можно сказать, вирусом является еще одним форматом преодоления сложившейся на Ближнем Востоке ситуации.

Разбор ситуации на Ближнем Востоке, предложенный выступавшим передо мной профессором Мордехаем Кейдаром, я считаю правильным. Я с ним полностью согласна. Мы имели опыт

такого же на Северном Кавказе. Мы видели уже своими глазами, что происходит, когда ослабевает центральное государство, что сразу начинается «эмиратизация» в прямом смысле слова. Эмираты возникали и там и тут. Но почему-то они не были мирными. Мне кажется, что мир внутри себя вовсе не означает мира вокруг нас, поэтому я за ваше предложение распустить ООН, не импортировать этих насильственных моделей, не признавать террористов какими-нибудь больными людьми и т.д.

Мне кажется, что надо по-настоящему бороться с распространением теологии насилия, которая, как вы правильно сказали, имеет очень глубокие формы и, в том числе, поддерживается Западом. Все эти подходы основаны на огромном желании модернизировать ближневосточный мир или тот мир, который цивилизованному миру кажется не вполне цивилизованным. Вы говорили о семи стадиях, я могу сказать, что теологий насилия ничуть не меньше.

Если говорить о своего рода истоках. «Проповедь перед князьями» Томаса Мюнцера в первой половине XVI века ознаменовала собой поворотный момент в истории апокалиптической мысли в целом и христианской апокалиптической мысли в частности. Катастрофическое преобразование религиозно и политически коррумпированного старого мира в теократический новый мир всегда было частью апокалиптического образа, и обращение к этим апокалиптическим мыслям и образам является на сегодняшний день одной из важнейших идеологических основ теологии насилия. В чем заключается суть? Суть в том, что Мюнцер представлял трансформацию в беспрецедентном свете — как революционно-насильственные действия, как синергетическое действие Бога и человека. «Божественное вручение меча» как бы является ключевым символом в данном контексте. Это означает не только религиозное оправдание насилия, но и противостоит средневековому учению «о двух мечах» и учению Мартина Лютера «о двух царствах» (в наших реалиях — это разделение на светское и религиозное пространство). «Единство меча» символизирует единство божественной и светской власти. Сегодня этому уделяется особое внимание на Ближнем Востоке очень многими режимами. Не только

государственными режимами, но и теми режимами, которые являются симуляторами государства. А именно речь идет о запрещенном в России «Исламском государстве» (ИГ, ИГИЛ, ИГИШ). Это абсолютный государственный симулятор, который при этом своей основной идеологией называет теологию насилия. Я не буду говорить о также запрещенных в России «Братьях-мусульманах». Я пропущу тот период истории, который имел отношение к окончанию Второй мировой войны и проникновению фашистских элементов в исламистские движения на Ближнем Востоке. Я также пропущу шестидесятые годы, когда Европа с большим уважением и интересом отнеслась к такой силе, как молодые «Братья-мусульмане», которые проникли и в Европу и стали участниками холодной войны, которые очень сильно помогли Саудовской Аравии в сопротивлении становлению светских режимов на Востоке. Я пропущу эту большую историю, связанную со сложностями в странах Персидского залива, с фрагментацией религиозного поля. Сразу же перейду к исламизму нового поколения, который, на мой взгляд, является особой околорелигиозной формой политической системы религиозных взглядов, носителями которой могут оказаться как те, кто причисляет себя к мусульманам, так и те, кто к ним себя не причисляет. А именно те, кто считают, что решение всех проблем не следует ждать еще 700, еще 500 лет, не следует ждать так долго, а в принципе их решение находится «на острие меча». На самом деле, не эту ли картину мы наблюдаем, когда внерегиональные державы вмешиваются в очень тонкие процессы ближневосточных ситуаций?

Исламизм — изначально противоречивый продукт, и сформировался он под влиянием западной философии постмодернизма, принципы которой были сформулированы философом Жилем Делезом, а также политическим философом Жан-Франсуа Лиотаром, который основал в шестидесятых годах на базе Алжирского университета кружок по изучению социально-политических французских проблематик современного мира после потрясения алжирской войной. В то время отчетливо стало понятно, что мир уже не делится на Запад и Восток, а скорее делится на условный Запад и условный Восток. И этот условный Запад незримо присутствует

уже на Ближнем Востоке, а условный Восток все ярче проявляет свои черты на условном Западе. Целью исследователей было найти идейно-философский базис преодоления цивилизационных границ на основе все-таки западных ценностей. В его основу был положен принцип свободы личности, которая разрывает связи с любой традицией и с любым коллективом. В трудах постмодернистов образ хорошо организованного свободного общества опирается на образ ризомы — корневой системы травы. Работая над вторым томом совместного труда «Анти-Эдип», Делез и Лиотар выпустили отдельной книгой введение к этому тому под названием «Ризома». Ризома как невидимая корневая система общества становится символом нового типа культуры, современного стиля жизни, утверждающего «множественное» как принцип философии и культуры. По мнению авторов, ризома постоянно сопрягает организацию власти, отсылает к искусству, науке и к общественной борьбе, то есть ко всем тем вещам, которые сегодня очень хорошо пропагандируются, разрабатываются в стенах и в различных группах, комитетах, комиссиях ООН. Иными словами, философы утверждали, что современным отныне признается такой тип общества, который не нуждается в преемственности поколений, культур и школ. Третий принцип «ризомы» заключался в том, что множество должно быть действительно качественно многообразно. Для этого оно не должно подчиняться никому и ничему единому, и, как говорили они, надо отбросить представление о некоем «сознательном Ткаче». Иначе говоря, этот подход исключал единое начало природы общества, а также исключал единого творца и единое национальное государство. Это стало очень большой проблемой и на сегодняшний день очень сильно осложняет ситуацию в тех обществах, в которых люди не совсем готовы отойти от преемственности культур. Четвертый принцип ризомы — это принцип «незначашего разрыва», который противоположен слишком значимым разрезам, разделяющим, расщепляющим структуры. Ризома может быть где-то оборвана, разбита, но снова наращивает свои или иные линии. Вообще образ очень напоминает образ наращивания тел партии, которым пользуются идеологи «Братьев-мусульман». На практике это означает, что всякая противополож-

ность есть тождественное равенство. Иными словами, в мире нет противоречивых сущностей и явлений, не различимо греховное и сакральное, насилие и оборона, убитый и убийца, закон и беззаконие. Создание множественных идейно-политических дискурсов, политических симуляторов стало главным занятием идеологов постмодернизма, в том числе на исламской идеологической основе. Все эти принципы и понятия были взяты на вооружение новым европейским поколением «Братьев-мусульман». Образ ризомы, вечно живой сети, стал основой организации независимых идейно-политических групп исламистов. И что с этим делать сегодня — это отдельная тема для отдельной конференции. Спасибо!

Вейсель КУРТ

эксперт Фонда политических, экономических и социальных исследований (SETA),
специалист по политическим институтам, этнополитической ситуации в Турции
и в государствах Ближнего Востока

Фрагментированная политика Турции в Сирии

Сирийский кризис нестабилен. Его суть и содержание неоднократно менялись: от «демократизации» к гражданской войне. Теперь же его можно описать как прокси-войну — опосредованную войну чужими руками. Говоря о политике и фрагментации Сирии, для понимания ситуации необходимо вернуться назад, в 20-е годы прошлого столетия. После коллапса Османской империи Сирия оказалась под контролем Франции. Париж во многом опирался на сирийские меньшинства, и в Сирии было создано несколько центров силы, которые стали причиной нестабильности на протяжении десятилетий.

Прошло сто лет, и, к сожалению, у страны появился новый политический опыт, связанный с нестабильностью и фрагментацией, вызванными гражданской войной. Гражданская война началась с требований о смене режима в стране, протесты трансформировались в вооруженное противостояние, итогом которого стало разделение страны. Сирийские события глубоко затронули и Турцию. Как вы знаете, Турция — сосед Сирии, а протяженность совместной границы составляет более 900 километров. Нестабильность в ближневосточном регионе в целом и Сирии в частности — не турецкий выбор. Я хотел бы вам напомнить, что до «Арабской весны», начавшейся в 2010 году, Турция не имела серьезных проблем в регионе и имела хорошие отношения практически со всеми странами, развивала экономические связи и торговлю, старалась наладить мир между Израилем и Сирией, выступая в качестве посредника.

«Арабская весна» привела к тому, что Анкара пересмотрела свои подходы к региону. До начала гражданской войны в Сирии отношения с этой страной рассматривались в Турции как большой успех национальной внешней политики. Но потом Анкара попала в сложную ситуацию. С одной стороны, она хотела сохранить уровень экономических связей, достигнутых на предыдущем этапе двусторонних отношений в рамках программы «ноль проблем с соседями». С другой стороны, поддержка режима президента Башара Асада стала невозможной, поскольку грозила утратой доверия в арабском мире, формированием негативного образа Турции в арабском общественном мнении.

Реакцией Анкары на кризис стала попытка заставить Башара Асада выполнить требования сирийского народа и пойти на политические реформы, чтобы предотвратить эскалацию насилия. Кроме того, турецкие элиты были уверены, что Асад пойдет на уступки ради завершения конфликта. Однако после стало понятно, что расчеты не оправдываются и Асад к реформам не готов.

К сожалению, то, как ситуация разворачивалась, очевидно показало, что эти предположения были неправильными, администрация Асада не готова заниматься реформами. Турция поменяла свой подход существенно, после усиления волнений в Сирии.

Турция основывалась на реальных политических условиях. Когда начались волнения, Турция, как и другие западные союзники, призвала Асада к миру. Но в ответ увидела нежелание, и это вызвало ожидание военного вовлечения в Сирии. И партнеры Турции увидели, что по мере того как Асад терял контроль над территорией, создавался силовой вакуум и усилились террористические организации, такие как ИГИЛ и другие террористические организации, которые со временем смогли взять под контроль большие территории Сирии. Применение режимом насилия по отношению к населению привело к резкому изменению сирийских подходов. И эти изменения связаны не с идеологическими подходами, а с изменением реальной ситуации «на земле».

Когда в Сирии начались проблемы, западные союзники Анкары — США, Великобритания, Франция — призвали Башара Асада уйти. Более того, принимая во внимание участие стран Запада в смещении ливийского лидера Муаммара Каддафи, можно было предположить возможность аналогичного сценария и в Сирии. Но они изменили свой подход и оставили Турцию один на один с проблемой гражданской войны в Сирии. И поскольку Асад терял контроль над своей территорией, возник вакуум власти, который заполнили террористические организации — «Исламское государство» (ИГ — запрещена в России) и другие джихадистские группировки, которым удалось захватить контроль над огромными территориями в Сирии и Ираке. Сотни тысяч беженцев бежали в Турцию, но, к сожалению, Турция не смогла адекватно отреагировать на этот вызов. Более того, западные союзники не наладили сотрудничество с Турцией, чтобы остановить транзит террористов из Европы в Сирию и Ирак. Второй фактор, который заставил Турцию поменять свою политику в Сирии, — активизация партии «Демократический союз» и других курдских групп на севере Сирии, союзных террористической Рабочей партии Курдистана (РПК). Эти группировки получили серьезную поддержку со стороны США и стали основным компонентом американских наземных сил в войне против ИГ в Сирии. Изначально Турция вела умеренную политику в отношении партии «Демократический союз» и других курдских групп в Сирии. Анкара пыталась интегрировать сирийские курд-

ские группировки в рамках ПДС и не допустить их сближения с РПК. Однако как только ПДС получила масштабную американскую поддержку, она отдалилась от Курдского национального совета (КНС) и провозгласила так называемые автономные районы в Сирии. С 2015 и до середины 2016 года Турция подвергалась атакам со стороны террористических организаций. ИГ атаковала с той стороны границы и организовала несколько атак террористов-смертников на турецкой территории, в том числе в крупнейших городах республики, Стамбуле и Анкаре. Аналогичные атаки осуществляла и РПК. РПК пыталась также взять несколько турецких городов под свой контроль.

Еще одним фактором, затрагивающим безопасность Турции, стал наплыв сирийских беженцев. На территории республики зарегистрировались свыше 3 миллионов беженцев из соседней страны. Этот кризис ударил по политической и финансовой стабильности Турции. В этих условиях Анкара пересмотрела свою антитеррористическую стратегию. Турция начала переговоры с Россией и Ираном, чтобы искоренить террористические организации. В августе 2015 г. президент Реджеп Тайип Эрдоган встретился с президентом Путиным в Москве и провел переговоры по разрешению кризиса в Сирии. После встречи Эрдоган заявил, что необходимо обеспечить в Сирии переходный период, в течение которого администрация Асада могла сохраниться. Но, к сожалению, всего через несколько месяцев, в ноябре 2015 года турецкие ВВС сбили российский самолет в районе турецко-сирийской границы. Это привело к жесткой конфронтации между Анкарой и Москвой и остановило переговоры по разрешению сирийского кризиса. Новое сближение последовало после провала попытки государственного переворота в Турции в июле 2016 года. Разгром путча, по словам Эрдогана, привел к существенным изменениям не только во внутренней, но и во внешней политике страны. Несмотря на то что Анкара искала членства в ЕС, она не получила поддержки против путчистов со стороны Евросоюза, но, несмотря на конфликтные отношения с Москвой, получила таковую от России. Новое сближение между Россией и Турцией открыло новую эру в двустороннем сотрудничестве по разрешению сирийского кризиса. Анкара предприняла

шаги по улучшению отношений с основными внешними игроками в регионе. Она продолжила процесс нормализации отношений с Израилем, снизила напряженность в отношениях с Ираном, принесла извинения России за сбитый самолет и согласилась вместе с Россией и Ираном искать выход из конфликта в Сирии. Сближение с Москвой и Тегераном позволило все больше втягиваться в войну с ИГ и РПК в соседней стране. В 2016 году Анкара начала операцию «Щит Евфрата» на севере Сирии, цель которой — война с ИГ и создание буферной зоны между Сирией и Турцией, что позволило разорвать прежде непрерывную линию курдских анклавов. Вторая крупная турецкая операция в Сирии — «Оливковая ветвь», проведенная против формирований ПДС в Африне. Ее цель — та же самая: выбить курдских боевиков из приграничной полосы и, главное, предотвратить возникновение коридора на территорию Турции, который бы позволил установить прямую связь между ПДС и РПК.

Таким образом, мы видим, что политика Турции по отношению к Сирии носит исключительно прагматичный характер. Сирия в настоящее время разделена и фрагментирована не только по соображениям безопасности, но и по геополитическим причинам. Территории, контролируемые курдской ПДС, фактически являются барьером между Турцией и остальным Ближнем Востоком, что для нас неприемлемо. Поэтому Анкара поддерживает территориальную целостность Сирии и других государств региона. Изменения во внешней политике Турции привели к улучшению отношений между Анкарой и Москвой и вывели их на стратегический уровень.

Ариэль БУЛЬШТЕЙН

адвокат и публицист, член совета директоров «Института Жаботинского», Израиль

Положение этнических и религиозных меньшинств в Израиле

В первую очередь, спасибо нашим гостеприимным хозяевам — Школе востоковедения Высшей школы экономики и господину Маслову лично, а также спасибо господину Чернову за организацию всего проекта. Уже первая часть нашей встречи показала, что обсуждение действительно весьма плодотворно. Интересно находить именно общий знаменатель между представителями разных стран. И вторая вступительная ремарка — желаю всем мусульманам, которые сегодня здесь находятся, значимого поста. Эта ремарка позволит мне перейти к теме моего выступления, потому что она как раз касается того, как в Израиле, наряду с еврейским большинством, как и было заложено основателями государства, которые видели в нашей стране национальное государство еврей-

ского народа, существуют различные религиозные и национальные меньшинства. Для заправки — маленькая история. Я впервые вчера в Израиле во время поездки в машине услышал, что в новостях на иврите сообщают слушателям времена поста Рамадан на следующий день. Я как-то раньше не обращал внимания на это. Но вчера, к своему личному удивлению, услышал, что радио на иврите, которое предназначено, в первую очередь, для большинства, но, конечно, слушают его и меньшинства, эту информацию передает. Меня лично это настроило на позитивный лад.

Какие в Израиле существуют меньшинства? Естественно, главное и по размеру, и по важности меньшинство Израиля — израильские арабы. Эта группа не является гомогенной и состоит из различных подгрупп. Большинство в ней составляют арабы-мусульмане, которые также делятся на различные группы. Естественно, сунниты являют собой практически абсолютное большинство среди мусульман Израиля. Другая группа среди арабов — это арабы-христиане. Позже остановимся на них отдельно, потому что в их среде наблюдаются в последнее время весьма интересные тенденции, в том числе и нежелание части из них называться арабами-христианами, попытка поиска другой самоидентификации.

Среди израильских арабов-мусульман, помимо деления по конфессиональному признаку на суннитов и шиитов, есть, разумеется, и другие деления. Например, выделяется группа израильских бедуинов, тех арабов, которые по-прежнему в той или иной форме продолжают вести кочевой образ жизни, который зачастую меньше уже связан с переездом с места на место, а больше связан с отказом перейти к более устоявшемуся среди другого арабского населения образу жизни в постоянных населенных пунктах.

Теперь оценим масштабы. Арабское меньшинство сегодня составляет примерно 20% населения Израиля, с незначительными вариациями, в зависимости от методики подсчетов. Кстати, любопытно, что недавно мне встретилась следующая информация. По данным последней израильской переписи населения, 18% объявили, что их родной язык является арабским. Кстати, 15% — это второе, если можно так сказать, лингвистическое меньшинство израильтян — сообщили, что их родной язык — русский. Подав-

ляющее большинство из них — евреи — выходцы из республик СССР и тех государств, которые образовались после развала Союза. Естественно, эти меньшинства исключительно лингвистические, во всем остальном их самоидентификация совпадает с самоидентификацией остального еврейского населения Израиля.

Если мы вернемся к арабам-мусульманам, среди них можно выделить, как я уже сказал, бедуинов, их количество составляет сегодня примерно 220 тыс. человек, 150 тыс. из них живут на юге Израиля. Кроме этого, есть еще незначительные меньшинства среди израильских арабов-мусульман. Например, заметная всем, кто посещает северную столицу нашего государства город Хайфу, секта ахмадийцев, которая составляет примерно 1000 человек. Визуально она заметна, потому что интересно выглядящий религиозный объект этой секты мечеть находится на вершине горы, и никто, кто въезжает в этот город, не может ее пропустить.

Другое меньшинство, которое выделяет себя и не соглашается с идентификацией как арабов, — это друзское меньшинство Израиля. Оно составляет примерно 1,7% населения нашей страны. Сегодня это где-то 130 тыс. человек. Одним из характерных признаков друзов является большая лояльность государству Израиль. Эта тенденция зародилась еще до формального воссоздания еврейской государственности в 1948 году, и выражается она, в частности, в том, что представители друзского меньшинства не просто все служат в израильской армии, но большинство из них добровольцами идут в наиболее опасные подразделения. Многие же выбирают для себя военную карьеру. В этом отношении следует выделить среди друзов отдельную подгруппу — это друзы Голанских высот. Это друзы, которые оказались под контролем Израиля после 1967 года ввиду результатов Шестидневной войны, когда Голанские высоты перешли от Сирии к Израилю. В 1981 году Израиль формально распространил свой суверенитет на Голанские высоты, предоставив возможность друзьям Голанских высот по желанию принять израильское гражданство. В течение долго времени количество друзов Голанских высот, которые принимали израильское гражданство добровольно, было невелико. Причиной была, в первую очередь, неопределенность относительно будущего этой территории. Многие из

них предвидели тот или иной сценарий, в рамках которого Израиль откажется от Голанских высот и передаст их Сирии. Понятно, что в случае реализации такого сценария добровольно принявших гражданство Израиля вряд ли бы ожидало светлое будущее. После того как в Сирии началась гражданская война (параллельно с этим в израильском обществе образовалось стойкое большинство, которое не приемлет возврата Голанских высот Сирии), всем израильтянам и, в частности, жителям Голанских высот стало понятно, что эта часть будет и далее частью государства Израиль. Количество друзов, которые стали обращаться за получением израильского гражданства, стало драматично расти. Среди них наблюдаются процессы так называемой израилизации, когда они все больше и больше становятся похожими на своих собратьев-друзов, живущих в других частях Государства Израиль.

Следующее меньшинство, которое хотелось бы затронуть, — это черкесы. Мы уже обсуждали с коллегами из Турции, что причина появления этого меньшинства связана, конечно, с историческими событиями, с Кавказской войной и желанием Османской империи переселить часть беженцев на «отдаленные» территории империи. Так в Израиле появились две черкесские деревни, которые и по сей день существуют на севере страны. Для израильтян это очень интересный опыт, когда они проезжают мимо этих деревень и видят надписи как на иврите, так и на кириллице, потому что это алфавит, которым для своего родного языка пользуются черкесы. И многие евреи, приехавшие из Советского Союза, очень удивлялись, откуда вдруг здесь «русский язык». Черкесов в Израиле всего 4 тысячи. Они так же, как и друзы, весьма лояльны израильскому государству. Среди них также распространены тенденции интеграции в израильское общество, в том числе посредством службы в армии и других механизмов, которые помогают меньшинствам ощутить себя полноправной частью Израиля.

Вернемся теперь к тем, кого было принято называть до сих пор арабами-христианами, и вообще к пестрому составу христианского общества Израиля. Больше всего израильских арабских христиан относят себя к греко-католической церкви, это примерно 45 тыс. человек. Вторая группа по размеру — относящие себя к греко-

православной церкви, 36 тыс. человек. К латинским направлениям относят себя 28 тыс. человек. Очень интересная, встречающаяся и в других частях Ближнего Востока группа — это христиане-марониты. Именно среди них возникло явление, которое я уже упоминал: поиск своей собственной идентичности в доисламских временах, до прихода арабов на большую часть территории Ближнего Востока. Многие из них (один из их лидеров — православный священник) стали идентифицировать себя как арамейцев. Вначале это было весьма скромное движение. Более того, израильский официоз не знал, как к нему относиться. На определенном этапе от тех, кого и арабское меньшинство и еврейское большинство рассматривали как арабов-христиан, появилось обращение в израильские официальные структуры, в том числе в Министерство внутренних дел, с просьбой признать новую национальность — арамейцы. Сначала не знали, как к этому относиться, потому что 2000 лет назад такая «национальность» была, а в официальном израильском списке национальностей такой не было. В результате глава МВД принял решение уважать чаяния людей, и тех, кто пожелает, стали записывать в качестве арамейцев. В то же время, параллельно с увеличением количества граждан, идентифицирующих себя как арамейцев с соответствующей записью в удостоверении личности, появилось серьезное противодействие со стороны части арабского общества Израиля. Дело в том, что люди, которые позиционируют себя как арамейцы, лояльны государству, настроены на службу в армии и полноценную интеграцию в израильское общество. В качестве примера можно привести одного из лидеров арамейского движения — служащего в одной из церквей Назарета православного священника Габриэля Наддафа. Он не просто сталкивается с отрицательным отношением к себе большей части жителей Назарета, среди которых преобладают мусульмане, но и с физическим насилием. Его семнадцатилетний сын был зверски избит экстремистами из числа тех в арабском секторе, кто не приемлет полноценную лояльность еврейскому государству. Впрочем, его это не остановило.

Кроме того, среди израильских христианских меньшинств есть копты (примерно 2000 человек) и армяне (около 2100 человек). Основной их центр — Иерусалим.

Еще одно значимое меньшинство (в том числе по своему визуальному представительству) — это бахаи. Те, кто бывал в Хайфе, наверняка видели красивые сады и культовые учреждения бахаев. В Израиле последователей бахаи насчитывается всего около 700. Но поскольку для бахаев это не просто точка на карте, а центр религии (в Хайфе и Акко), то очень часто в страну слетаются последователи учения со всего мира, намного больше, чем те 700 бахаев, которые являются израильскими гражданами.

Еще одно интереснейшее меньшинство — это самаритяне. Те, кто знают библейские писания, читали о них. Самаритяне сохранились в Израиле (их насчитывается около 750 человек). Большая часть проживает в двух точках: в городе Холон, где у них есть отдельный квартал, и на горе Гризим в Самарии. И если мы хотим внести элемент исторической иронии, в Израиле есть еще одно меньшинство, о котором мало кто знает, — это 300 вьетнамцев, которые бежали из Вьетнама после завершения гражданской войны между севером и югом. Израильские торговые суда иногда подбирали в море выходцев из Южного Вьетнама. Тогдашний премьер-министр Израиля принял решение предоставить подобранным в море беженцам гражданство. Примерно 300 из них до сих пор живут в Израиле, кто-то переехал в Соединенные Штаты, а кто-то даже вернулся во Вьетнам после завершения холодной войны. Часть израильских вьетнамцев приняли иудаизм, часть придерживаются протестантских верований.

После краткого количественного обзора пришло время поговорить о качественном составе меньшинств в еврейском государстве и о том, как Израиль видит дальнейшую интеграцию и полноценное мирное существование внутри одной страны. И тут, наряду с позитивными моментами, связанными с израильским подходом к вопросу, есть и проблемные.

Сегодня жизнь национальных и религиозных меньшинств в еврейском государстве значительно лучше, чем в любой другой стране региона. Один из основных показателей — продолжительность жизни. В декабре 2017 года были опубликованы очередные статистические данные, из которых выяснилось, что продолжительность жизни арабов Израиля выше, чем продолжительность

жизни арабов в любом арабском государстве. Среди израильских арабов она составляет 79 лет. Если мы посмотрим на доступ израильских арабов к предоставляемым государством материальным благам, то, по некоторым данным, арабы получают 55–60% от всех пособий, выплачиваемых посредством Института национального страхования Израиля. Речь идет о пособиях, которые выплачивают неимущим, и тем, кто не работает, тем, кто находится в отпуске по уходу за детьми после родов и т.д. И это при доле в населении на уровне 20%. В израильском обществе такое распределение нравится далеко не всем. Есть данные и по муниципальному налогу (в бюджет муниципального образования — в каждом населенном пункте устанавливают местные власти), который идет на оплату услуг муниципального хозяйства (уборка улиц, озеленение и т.п.). В чисто арабских населенных пунктах Израиля проживает 14% населения страны (еще 6% проживает в так называемых смешанных городах, там, где есть еврейское и арабское население, — Иерусалим, Хайфа, Тель-Авив-Яффа). При этом общая сумма сборов муниципального налога в них составляет всего 2% от муниципальных налогов, которые собираются в Израиле, потому что большая часть из них предпочитает не платить этот налог. И это при том, что он не переводится в государственный бюджет и идет исключительно на нужды населенного пункта. Тем населенным пунктам, где сбор налога недостаточен, государство переводит средства из своего бюджета, чтобы предоставлять жителям этого населенного пункта все необходимые услуги. Итого 38% всех передаваемых муниципалитетом из государственного бюджета сумм приходится на арабские населенные пункты, что значительно больше, чем их процент в населении. Есть и другие примеры того, как в Израиле пытаются, в частности с помощью так называемой позитивной дискриминации, то есть положительного преимущественного отношения, предоставлять преференции представителям меньшинств. Например, введение некоторыми университетами приема арабов без вступительных экзаменов вызвало значительную критику среди еврейского большинства. Они считают, что конкурировать, в том числе и при поступлении в вуз, нужно на равных основаниях, вне зависимости от национальной

принадлежности. Есть и другие примеры, когда израильское законодательство и израильский официоз смотрят выборочно на определенные культурные традиции арабского меньшинства. Например, не смотря на то, что в Израиле по закону полигамия запрещена, как и в подавляющем большинстве государств европейской и иудео-христианской цивилизации, у нас фактически у части бедуинов полигамия практикуется открыто. И государство в данном случае предоставляет арабскому меньшинству возможность не соблюдать закон. Это выражается зачастую в каких-то бытовых формах. Например, среди многих израильских арабов принято не соблюдать определенные правила дорожного движения, например пристегиваться. Среди них считается, что пристегиваться ремнями безопасности — это «не круто». В итоге в процентном отношении смертность среди израильских арабов в ДТП значительно превышает их долю в населении страны. Тем не менее во многих случаях государство, желая избежать конфликтов с определенной частью арабского сектора, не требует соблюдения многих законов на общих основаниях. Это влечет за собой чувство вседозволенности и приводит к тому, что масштабы несоблюдения законов растут. Другой пример, который в Израиле любят приводить, — это достраивание балконов и вообще незаконное строительство. Если в любом населенном еврейском пункте кто-нибудь попытается достроить себе балкон, то, поверьте, не пройдет и часа, как там будет муниципальный инспектор, который начнет выписывать очень высокий штраф. В то же время в арабском секторе строительные нормы не соблюдаются вообще. То есть государство не требует от всех частей общества одинакового и равного выполнения законов. Если бы требовало, то, мне кажется, арабское меньшинство приняло бы эти правила игры, как они должны принимать их в любом другом государстве, в котором требуется соблюдение законов.

Впрочем, это можно воспринимать и с иной точки зрения: в Израиле нет попытки навязать меньшинствам отказ от их культурного багажа, традиций, склонить к ассимиляции. Наоборот, общий подход заключается в том, что мы точно так же, как когда сами были меньшинством, не хотели бы, чтобы кто-то нас заставлял отказаться от своей религии и традиций, естественным образом об-

ращаемся и с проживающими в Израиле меньшинствами. И, конечно, мы не просто не препятствуем выполнению всех религиозных норм, скорее, наоборот, зачастую предпочитаем ограничить евреев. Самый, наверное, известный пример: на Храмовой горе есть возможность молитвы исключительно для мусульман. Хотя, естественно, никакие демократические нормы, наверное, не позволили бы там запретить молитву евреям или христианам. Тем не менее израильское правительство, опасаясь, в первую очередь, болезненной реакции исламского мира и опасаясь политических атак со стороны недругов Израиля, предпочитает ограничивать в правах реализации демократических норм представителей других религий, для которых этот объект является не менее святым, и предоставляет здесь преимущественные права мусульманам.

Одним из аспектов израильской политики отказа от ассимиляции является, например, способствование изучению арабского языка. В Израиле была создана Академия арабского языка на тех же принципах, на которых базируется и финансируется государственная Академия языка иврит. Несмотря на то что у нас это язык меньшинства, принципиальная позиция заключалась в том, что он будет поддерживаться государством.

В Израиле сложилась ситуация, когда определенные профессии, в том числе весьма престижные в неофициальной иерархии, практически полностью заняты представителями арабского сектора. Например, если вы посетите практически любую израильскую аптеку, то в 80% случаев фармацевтом окажется араб. Это возникает из-за того, что в Израиле признается фармацевтическое образование соседней Иордании. Кроме того, поскольку, в отличие от еврейского большинства, а также друзского и черкесского меньшинства, арабы не обязаны служить в армии в течение которых у них есть преимущество в 2–3 года, в течение которых еврейские юноши или девушки отдают свой долг в вооруженных силах или на альтернативной гражданской службе. Арабы служить не обязаны, что, на мой взгляд, также неправильно. Впрочем, все больше арабов-мусульман служит в израильской армии. При этом им приходится весьма нелегко. Возвращаясь в свою деревню, зачастую они сталкиваются с отрицательным отношением к себе со стороны

экстремистски настроенных сограждан. Впрочем, все больше арабов и мусульман и христиан понимают, что раз мы сведены вместе, то должны быть вместе и в выполнении своих обязательств по отношению к обществу, а не только в реализации своих прав. Ну и последнее. Израиль зачастую сталкивается с нападками из-за рубежа, что якобы в Израиле арабы находятся на вторых и третьих ролях. Но статистика говорит об обратном. Вероятность того, что араб вне зависимости от происхождения станет, скажем, судьей Верховного суда Израиля, намного выше, чем в любой собственно арабской стране. Кроме того, среди израильских арабов практически нет тенденции к эмиграции, при том что границы открыты. Если бы арабам у нас было действительно плохо, они бы уезжали. Но, наоборот, нет ни одной сопредельной арабской страны, из которой не было бы попыток попасть в Израиль. Более того, мы сталкиваемся с огромным количеством фиктивных браков ради получения арабами израильского гражданства, что является проблемой, в том числе и в сфере безопасности.

Хусейн АЛЫПТЕКИН

эксперт Фонда политических, экономических и социальных исследований (SETA),
специалист по политическим институтам, этнополитической ситуации в Турции
и в государствах Ближнего Востока

Курдский вопрос в Турции: перемены и последовательное развитие в XXI веке

В социологии есть два подхода к этнической идентификации. Первый связан с премордиалистским пониманием этого вопроса. Согласно этому подходу, этнические идентификации «продолжительны во времени» и носят взаимоисключающий характер. Второй, доминирующий на сегодняшний день, подход к идентификации — «концептуалистский», который предполагает, что «идентификации» меняются во времени и не являются взаимоисключающими. Другими словами, у нас есть множество, в том числе и этнических, идентификаций, которые пересекаются и перекликаются со множеством иных.

Этнические идентификации существуют потому, что мы в них верим. Потому что политические и социальные институты устроены таким образом, что этнические идентификации продолжают существовать. Поскольку они с социологической точки зрения реальны, они означают социальную принадлежность. Человек идентифицирует себя с социальной группой, которая в действительности существует, т. е. курдская идентичность, турецкая, еврейская, арабская. На Ближнем Востоке множество таких самоидентификаций. При этом у нас нет национальных государств в чистом виде. Также как и не существует «чистоты крови» в рамках той или иной расы, нации, этнической группы и т.д. Но идентичности, повторюсь, реальны, потому что они сконструированы социумом, поддерживаются социумом и рядом общественных механизмов. И курдская идентичность — одна из основных в Турции, потому что очень многие себя так идентифицируют. Курдов гораздо больше, чем турецких арабов, армян и др. У нас проживает множество этнических групп, как и в любой другой стране. Мы относимся к курдам с должным уважением, которого они заслуживают.

После этого краткого вступления хочу поговорить о курдской идентификации в Турции с точки зрения культуры, политики и безопасности. Конечно, эти направления в значительной степени пересекаются друг с другом.

Культура. Культурная идентификация — самая важная из трех, и она базируется на языке. Это не этнорелигиозная идентификация, а этноязыковая. Она базируется на диалектах: курманджи, лаки, сорани и др. Вокруг языкового вопроса существует определенная конфронтация в Турции — есть некоторые требования и определенная политическая линия по данному вопросу. Некоторые требования удовлетворяются, а некоторые — нет.

У курдов в Турции есть определенные языковые права:

- изучение курдского языка в государственных и частных школах в качестве дополнительного курса;
- вещание на курдском языке государственных и частных СМИ;
- ведение научных исследований по языковой проблематике в университетах и специализированных курдских языковых институтах;
- свободное использование языка в политических кампаниях;

– двуязычные указатели на улицах в городах и поселках, где проживает курдское население.

Однако есть одно из важных спорных направлений, окончательное решение по которому пока не принято, а именно — образование на родном курдском языке. То есть запрос на это со стороны определенного сегмента турецкого общества существует, но это право курдам пока не предоставлено. Образование ведется на турецком. Дебаты по этому поводу продолжаются. Некоторые страны предоставляют возможность обучения на нескольких языках, например Канада — на английском и французском. В соседних Соединенных Штатах такого пока нет. Единственный язык обучения в США — английский. Но они предлагают дополнительные курсы на испанском и других языках. То есть Турция следует той гражданской модели, которая используется в США: образование идет на турецком языке, а на курдском — отдельные курсы. Это культурный аспект, в рамках которого идут некоторые изменения, но споры продолжаются.

Политика. С точки зрения участия в политической жизни и политического представительства. Турецкие курды голосуют и выдвигают своих представителей от разных политических партий. Среди них есть две основные, которые представляют большую часть курдского населения. Первая — правящая в Турции Партия справедливости и развития (ПСР). Она базируется на идеологии и не является «этнической». Эта партия придерживается социально-консервативного курса с точки зрения общественного устройства и либерального курса в экономике. Примерно половина турецких курдов голосует за правящую ПСР. Конечно же, партия получает голоса от курдов и выдвигает их на ответственные посты. Они избираются в парламент, становятся руководителями важнейших организаций. Так, например, руководитель турецкой Национально-разведывательной службы (МИТ) Хакан Фидан — этнический курд. То есть половина курдов в Турции голосует не за этнические партии, а голосует за общенациональные партии политического мейнстрима, поддерживая их идеологию и политические программы.

Другая половина турецких курдов мобилизует свои голоса в пользу курдских этнических партий. В Турции много курдских партий, которые участвуют в выборах и представлены в парламенте

страны. Крупнейшая из них — Демократическая партия народов (ДПН). Но есть и гораздо более скромные с точки зрения влияния и поддержки. Некоторые из них требуют предоставления курдам независимости. Например, Демократическая партия Курдистана (ДПК-Турция), которая является законной. И есть множество партий, со словом «Курдистан» в названии, которые требуют ухода Турции из юго-восточных провинций и вывода войск, выступают за отделение от Турции. Они все легальны до тех пор, пока не участвуют в насилии. Таким образом, половина курдов выступает за общую правящую партию, а вторая половина мобилизуется через этнические курдские партии. Некоторые из этих этнических курдских партий хотят независимости, другие — территориальной автономии.

Безопасность. К сожалению, это вопрос, о котором говорят постоянно. Потому что когда льется кровь, нелегко игнорировать вопрос безопасности. Турции угрожают многочисленные террористические организации. О некоторых из них вы даже никогда не слышали, потому что они небольшие и маргинальные, например, некоторые левфтистские революционные организации. Сфера деятельности их очень узкая, поэтому о них и не слышно. Есть радикальные организации глобального масштаба, вроде Аль-Каиды и ИГ (запрещены в России), и Турция страдает от их атак, проведенных, в том числе, с использованием террористов-смертников. И третья крупнейшая террористическая организация, которая действует против Турции, — не коммунистическая, не исламистская, а этническая — Рабочая партия Курдистана (РПК). Эта организация проводит террористические атаки в Турции. РПК базируется в Ираке в горах Кандиля, там же находится и их штаб-квартира. У нее есть офисы в Иране, где она называется Партия свободной жизни в Курдистане (ПСЖК), в Сирии она называется Партия «Демократический союз» (ПДС). Эта организация проводит атаки в Турции, но не может находиться там в безопасности. Так что в Турции нет ни офисов РПК, ни тренировочных баз, ничего. Боевики проникают в Турцию со стороны Ирака и Сирии, иногда Ирана, но в основном все-таки через Ирак. Итак, это этническая террористическая организация. Но когда мы говорим о подобных этнических конфликтах, партизанских войнах или террористиче-

ских атаках, есть некоторое недопонимание относительно РПК. Говорят, что между турками и курдами идет гражданская война, что абсолютно не соответствует действительности. РПК действительно вербует много курдов в свои ряды, она предлагает идею создания независимого единого Курдистана, который возникнет в результате войны с рядом суверенных государств. Первая и главная задача со дня создания группировки — борьба с Турцией. Сейчас у РПК порядка 5 тысяч боевиков, которые в основном скрываются в Ираке и Сирии. Но в Турции есть 80 тысяч курдов в составе курдской милиции, которую мы называем «деревенскими стражниками». «Стражники» воюют с этими боевиками РПК, и именно благодаря курдской милиции РПК не чувствует себя в безопасности в Турции! То есть мы не можем назвать происходящее в Турции межэтнической войной или межэтническим терроризмом. Но речь во многом идет о внутриэтническом противостоянии среди курдов. То есть основные атаки РПК направлены не против турок, а в основном против этнических курдов. Основные этнические террористические организации действуют, в основном против представителей своей же этнической группы. Так, баскская ЭТА в основном убивала басков, Ирландская республиканская армия (ИРА) — ирландцев: кровь множества ирландских католиков лежит на них. «Тигры освобождения Тамил-Илама» убили намного больше тамилцев, чем представителей сингальского большинства. То же самое и в Турции. С одной стороны, курды убивали представителей турецких силовых структур, с другой — местных же курдов.

Ну и наконец сегодня, когда мы посмотрим на турецкий этнический и политический ландшафт с фокусом внимания на предстоящие выборы 24 июня, что мы видим? Опять представительство турецких курдов: половина из них голосует за правящую партию, другие — за этнические курдские партии.

Подходя к концу, хочу особо отметить: когда мы говорим о межэтнических конфликтах, особое внимание следует уделять жертвам внутри этносов в результате внутриэтнического насилия. Именно так и происходит в Турции с РПК, чья основная мишень — курды. Было бы непониманием объяснять смысл происходящего исключительно с этнической точки зрения. Спасибо за внимание.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«Перспективы сохранения национальной и религиозной традиции в условиях экстремизма»

(Дербент, кафедра ЮНЕСКО — Махачкала,
Национальная библиотека 27–28 июня 2018 г.)

Сергей Владимирович СНЕГИРЕВ
заместитель министра печати и информации Республики Дагестан

Вступительное слово

ФОТО: СНЕГИРЕВ Сергей (второй слева)

Добрый день, уважаемые коллеги, приглашенные эксперты! От лица министерства печати и информации Республики Дагестан приветствую вас на нашем круглом столе. Мы рассчитываем, что работа круглого стола пройдет в конструктивной и продуктивной обстановке. Мы знаем, что ваша работа началась вчера, вы уже посетили Дербент. Мне приятно видеть, что сегодня здесь собрались так называемые «держатели вопроса», то есть те, кто предметно и профессионально занимается проблематикой и вопросами противодействия идеологии экстремизма и терроризма.

Наверное, самая главная мысль, которую хотелось бы озвучить в преддверии круглого стола, заключается в следующем. Борьбу с проявлениями терроризма и экстремизма ведут правоохранитель-

ные органы и специальные органы, но изжить эту проблему может только гражданское общество. У нас с вами большая по масштабу задача, и сложность ее заключается в том, что мы не знаем точно-го рецепта и точной методики решения этой проблемы, поскольку она видоизменяется и трансформируется. Это настоящее социально-экономическое явление. И, наверное, каждый гражданин, каждый член нашего общества, каждый общественный институт вносит свой вклад в то, чтобы мы выбирали правильную дорогу, чтобы наше общество развивалось. Миссия противодействия терроризму и экстремизму благородна, это — первостепенный вопрос для развития нашей страны.

Безусловно, Дагестан является регионом, в котором накоплен огромный практический опыт решения этих вопросов. На всем протяжении истории Дагестана мы видим колоссальное взаимодействие национальностей, взаимодействие религий, мирное сосуществование. Этот опыт бесценен, и, рассматривая и перенося, заимствуя какие-то вещи на другие территории, наверное, получится мирное и гармоничное существование и в других географических регионах.

То, что мы видим, что происходит сегодня на Ближнем Востоке, комментировать, наверное, излишне. Все мы прекрасно понимаем эту проблематику. Роль нашего государства, России, в урегулировании этих конфликтов значима, первостепенна. Безусловно, без усилий нашей страны мирные процессы нескоро пришли бы на земли Ближнего Востока. Хотел бы, повторюсь, пожелать продуктивной работы нашему круглому столу, поблагодарить Чернова Михаила за то, что он регулярно проводит интересные мероприятия в Республике Дагестан, и пожелать всем успешной работы. Спасибо.

Давуд Рустамович ТУМАЛАЕВ
консультант Комитета по свободе совести, взаимодействию
с религиозными организациями Республики Дагестан

«У нас есть содружество и единство»

ФОТО: Давуд Тумалаев (второй слева)

Когда шла деформация огромной страны, Советского Союза, невозможно, чтобы на этом фоне не было влияния внешних сил. И эти внешние силы работали на разъединение. Но все-таки история удержала Дагестан, удержала Кавказ, удержала Россию. После того как на территорию республики в 1999 году вторглись международные террористы и были остановлены здесь, наш лидер Владимир Путин сказал, что «это дагестанцы спасли Россию». Наши народы и до 1999 года не поддались влиянию центробежных сил, которые разорвали огромную страну, разрывали нынешнюю нашу страну на куски, разрывали Дагестан на разные кланы, этнические группы, конфессии. Мы страну удержали, и это не вполне наша

заслуга — это заслуга наших предков, поколений, которые тысячами жили на этой земле.

Говоря о сегодняшнем дне... Дагестанцы — это практики. Мы оказались «на передовой» всех деструктивных процессов, которые происходили с распадом СССР, и также, одновременно, мы находимся «на передовой» всех положительных процессов по укреплению нашей Родины. И вот Москва, наши братья из Татарстана, которых я очень уважаю, они находятся как бы «в глубине», могут заниматься больше и теоретическими вещами, и экономикой, политикой. Мы практики, «в поле» находимся, работаем против разрушения, против деструктивных сил, которые направлены на наше общество, в первую очередь на Дагестан. Влияние Юга и Севера здесь было всегда. Ближний Восток относится к Югу. Народы Йемена, Сирии здесь жили с VII века, в VIII–IX веках, несколько веков Дербент был арабским городом, и несколько веков основным языком здесь был арабский. Мы все это прекрасно знаем. И в 1990–2000-е годы влияние Ближнего Востока здесь было сугубо отрицательным, в том числе и турецкое влияние было отрицательным. Надо признать это. Если говорить о религиозном факторе, то в 1990-е годы, когда пал занавес, пришло и хорошее — свобода, свобода вероисповедания, но пришла и муть, грязь. Пришла новая деструктивная идеология как инструмент глобальной политики. Даже саудовский принц Мухаммед бин Салман недавно сказал, что эту идеологию ваххабизма нам навязала Америка, мы не были столь консервативны до 1970-х годов и тратили эти деньги, выполняя заказ мирового гегемона.

Многочисленные наши паломники, которые поехали за образованием в святые земли, возвращаясь, приносили деструктивные идеи или же идеи, которые, может быть, там хороши, но, будучи оторваны от тех реалий, они не соответствовали нашим российским дагестанским реалиям, были оторваны от истории, культуры, вносили огромный деструктивный вклад в жизнь нашего общества.

Но теперь процесс пошел обратно. У нас в республике воссоздана дагестанская богословская школа, вся образовательная линейка от мактаба до высшего образования. Идет ее интеграция в светское пространство через Институт теологии. Пошел обратный

процесс, когда теперь Дагестан положительно влияет через свою богословскую школу, через своих представителей, диаспоры в России в плане работы против идеологии экстремизма, на объединение и начинает влиять уже и на Ближний Восток. Когда к нам на наши религиозные мероприятия приезжают арабские шейхи, они знакомятся с нашим богословием, видят высокий уровень наших богословов, признают этот уровень. Показывают молодежи, которая ориентирована на Ближний Восток: у вас же есть свои алимы, которые не уступают нашим. Таким образом, ситуация в последние годы переломлена, сознание молодежи меняется, признание богословской школы происходит и здесь, и за рубежом. Есть понятие мягкой силы: показать картину, как можно жить, чтобы к вам тянулись. Любая великая страна должна давать такую картину. Вот Олимпиада меняет мнение о России, которое специально было сформировано на Западе через Голливуд, интернет и т.д. Теперь оно меняется. Журналисты западные, хоть и с оговоркой, вынуждены признать, что были неправы. Наша модель, Дагестана — тоже пример, который можно показать, транслировать его: то, что мы когда-то давно взяли на Ближнем Востоке, вы не сохранили, а мы сохранили. И теперь то, что было у вас когда-то, мы вам предлагаем, Россия предлагает как модель. У России есть шанс стать великой державой. Конечно, экономика слаба, военная мощь пока не сравнима с американской, но у нас есть то, чего нет ни у европейцев, ни у американцев, ни на Ближнем Востоке, — духовное содружество и единство.

Ахмед Умарович ДЖАМАЛУТДИНОВ

Дагестанский теологический университет имени Саида Афанди (с. Чиркей), помощник ректора

Борьба с пропагандой экстремизма в молодежной среде и профилактика терроризма

Действующие сегодня так называемые «современные методы пропаганды» — на самом деле, если провести анализ прошлых событий в нашей стране, да и в мире в целом, изучить историю, совсем не новые методы пропаганды. Они применялись и в прошлом для нагнетания обстановки среди мусульман. Можно увидеть, что методы манипуляции, стравливания людей, наций, религий, стран стары, как мир. Как говорится, ничто не ново под луной, а часто новое — это хорошо забытое старое». У многих дел найдутся корни в прошлом.

Минуло лишь около двадцати лет с тех пор, как была попытка вторжения в Дагестан. И сегодня мы видим, что многие люди уже

забыли, как велась страшная, хитрая, черная пропаганда среди населения еще до нападения на нашу республику. Большинство молодежи не знает всей полноты картины и ужаса тех дней и потенциальной опасности, что грозила тогда, а те, кто знают что-то, зачастую имеют искаженное видение и понимание, несоответствующее действительности.

На то, насколько высок этот уровень незнания среди молодежи, я стал обращать особое внимание после недавнего посещения заключенных в тюрьме. А началось все с того, что в этом году УФСИН РД обратилась к нам в Дагестанский теологический институт им. Саида Афанди с предложением направить теологов с лекциями в места лишения свободы. Мне стало интересно ознакомиться с состоянием заключенных и узнать, какая идеологическая работа ведется в тюрьмах, поэтому я вызвался быть в числе теологов, которые посетят по этой программе места лишения свободы.

В ходе встречи заключенные задавали с провокационным уклоном много вопросов про джихад, халифат, про выборы президента и многое другое. Подобный ход беседы для меня был в принципе ожидаем. А вот что действительно привлекло мое внимание и, можно сказать, шокировало, это одна из ситуаций, когда речь шла про джихад. Я обратился к своим слушателям со словами: «Вспомните события недавнего прошлого! Что происходило в соседнем регионе, в Чечне, сколько наших братьев и сестер погибло в этой войне, сколько крови невинных пролито было в этой войне?! Разве эта война принесла благо народу? Разве религия к этому призывает? Как поступили те, кто оказались во главе этой республики в тот период? Разве они работали во благо народа? Они отделили Чечню от России, затем воевали между собой, угнетали народ, привели в упадок в том регионе образование, медицину. Нормальная жизнь вокруг остановилась, кругом плодилась разруха».

После этих слов была весьма долгая тяжелая тишина. Мои слушатели озадачились вопросом: «А что там действительно происходило?» Это читалось в их глазах, лицах! Я прервал эту затянувшуюся паузу, обратившись с конкретными вопросами о трагедиях, терроризме, войне на Кавказе двадцатилетней давности к одному из молодых людей, с которыми я вел беседу в той тюрьме, —

к чеченцу лет 26-ти. Оказалось, парень не помнил историю своего региона, не знал, что там происходило.

Меня это невероятно шокировало. Понимаю, что, может быть, лишь единицы есть таких людей среди российских мусульман (скорее среди молодежи), кто вот так имеет совершенно нулевую память о печальной истории чеченской войны, со времен которой прошло всего ничего. После этой встречи мне стало особенно интересно, важно понять, насколько глубоко и правдиво мусульманская молодежь Кавказа знает свою недавнюю историю.

Мое дальнейшее пристальное наблюдение за подрастающим поколением показало, что современные молодые люди слабо, даже плохо владеют информацией о том, что на самом деле происходило в конце 1990-х в России, а особенно на Кавказе. Их знания зачастую пополняются из недостоверных, а то и из откровенно лживых, провокационных и ваххабистских источников. Всего двадцать лет, и память об истории страны начала стираться...

Борьба с экстремизмом ведется не только в местах лишения свободы. В сентябре сотрудниками отделов просвещения совместно с Министерством образования Дагестана были организованы мероприятия, просветительские лекции, связанные с пропагандой против экстремизма. Они проводятся в школах, вузах. Мы понимаем и видим, что результат от таких лекций очень высок.

Думаю, что следует более детально разработать данное направление, подготовить материалы, максимально подходящие для школ и вузов. Нужно привлекать администрации школ, вузов, продумать отдельно план для тюрем и для работы с соцсетями и обществом в целом. Для этого следует активно привлекать богословов и психологов. Требуется составить план профилактики терроризма по каждому направлению. Нужно определить, сколько должно быть лекций на данную тему в местах лишения свободы, какого характера лекции нужны, что они должны в себя включать. В этом важном деле нам помогут, конечно, видеоматериалы ответов мировых богословов, а также видеопозаказы террористических актов (например, захват роддома в Кизляре и т.п.), которые можно дополнить беседами о том, какая идеология была у тех нелюдей, кто стояли за данными страшными многочисленными терактами.

Следует определить, как правильно проводить лекции, чтобы молодежь не забывала теракты в Буйнакске в 1999 г., в «Норд-осте» в 2002 г., в Беслане в 2004 г., чтоб новое поколение видело, понимало, помнило, что ваххабиты оставили после себя в Чечне и районах Дагестана.

Почему я напомнил про эти теракты? Потому что вижу на личном опыте, что напоминание об этих злодеяниях (когда мы говорим: «Посмотрите, что эти террористы, прикрываясь Кораном и хадисами, оставили после себя!») после проповедей с историями, примерами из священных писаний приносит намного больше пользы, чем без этих напоминаний.

Хвала Всевышнему: сегодня мир в республике и в целом в нашей стране! Но если исходить из знаний о геополитике нашей страны, будет очевидным факт: регион в зоне большого риска. Мы все знаем, что наши враги не спят, они ведут свою черную работу постоянно! И нас должен уже сегодня волновать вопрос, каков будет их следующий шаг завтра, чтобы послезавтра не случилось то, что будто внезапно наступило на Украине, в Сирии и в целом на Ближнем Востоке. Не исключено, что те же методы будут применяться и в нашем регионе.

В 2010-м году я с коллегами проходил курсы повышения квалификации в Сирии (длились они полгода). Мы прибыли в известный во всем мире институт Абу-Нур в городе Дамаск в Сирии. Стоит пояснить, что до этой поездки и учебы я много раз встречал студентов данного вуза в своей стране, и большая часть этих людей, к сожалению и моему удивлению, разочарованию, была радикально настроена.

Еще на Родине тогда до 2010 года я многократно задавался вопросом: «Как этот вуз, который официально против экстремизма, это учебное заведение суфийского толка, где делают зияраты, читают мавлиды (это то, что радикалы считают недозволенным), выпускает студентов, значительно склонных к терроризму?!» Очень удивлял меня сей парадокс. Это было для меня странно еще и потому, что студенты, окончившие Дагестанские религиозные учебные заведения, наоборот, сильно защищены от многих видов негативной, разрушающей пропаганды.

И только к окончанию учебы на курсах в институте Абу-Нур для меня прояснилась картина. Оказалось, что здесь в самом учебном процессе уже заложены предпосылки, которые способствуют облегчению вербовки выпускников сирийских религиозных вузов в случае, если к ним будет проявлен интерес со стороны лиц, заинтересованных в разжигании войн, трагедий и т.п.

Я подметил для себя несколько основных таких моментов-предпосылок, которыми хочу поделиться и с вами.

Итак, первый момент: если дать на проверку перевод Корана востоковеду или знатоку арабского языка, они посмотрят дословный перевод Корана, сделают вывод: правильно перевели Его или нет. Если на это же самое посмотрит теолог или богослов, то они увидят картину в другом образе. В Коране есть аяты, решения которых отменены. Яркий пример: запрет алкоголя проходил в несколько этапов. Подобные моменты есть и в хадисах Пророка с.а.в, есть аяты и хадисы, которые связаны между собой и дополняют и разъясняют решения аятов Корана. Есть аяты, которые несут обязательный характер или желательный... И есть многие другие моменты, о существовании которых человек, дословно переводящий Священное писание, не имеет понятия.

Поэтому богослов, если даже перевод будет правильный, учитывая эти моменты и зная последствия для общества, может запретить что-то или указать, как перевести более правильно и с какими комментариями. О данной опасности много говорил, писал статьи и книги покойный Курамухаммад Рамазанов — зам. Муфтия РД, посмертно награжденный Президентом РФ орденом Мужества.

Второе, что я заметил во время учебы в сирийском вузе, — это то, что там делают перевод хадисов по своему умозаключению, на своем уровне знания арабского языка, которым владеют студенты факультета арабского языка в институте Абу-Нур. Они не обращают внимания на причины, почему Пророк с.а.в. рассказал данный хадис, в каком контексте, является ли этот хадис комментарием к аяту Корана или нет, и т.д. Они просто смотрят, достоверный хадис или нет и что по этому хадису сказал Аль-бани.

3. Третий момент — это призыв преподавателей данного вуза, чтобы студенты сами выносили шариатские решения уже даже то-

гда, когда еще нет полного окончания учебы. В Исламе четыре мазхаба, некоторые говорят, что четыре мазхаба — это разделение. Интересно, что будет, если каждый начнет решения брать из Корана и хадисов, ссылаясь на свое личное понимание вопроса? Сегодня это уже происходит!! Особенно ярко это видно в соцсетях, но это только начало страшного будущего, если не предпринять правильные шаги и не взять ситуацию под контроль.

4. Четвертая беда заключается в том, что там, в сирийских вузах, сильно рекламируются радикальные ученые (например, Альбани, Ибн-Каим Аль-джавзи, Ибн-Тайми Абдуль-Ваххаб и др.). В 2010 году тяжело было найти книгу в Сирии, где бы не было дописки Аль-Бани после хадиса (его приписывают после великих ученых Бухари и Муслима).

Но тонкость данного направления пропаганды в том, что преподаватели ссылаются не на радикальную информацию данных ученых, а лишь на одобряемую обществом часть информации. Но в целом такой подход шаг за шагом приучает людей следовать за решениями данных ученых (в том числе потом уже берется и радикальная информация как допустимая, достоверная).

На первый взгляд, каждый из этих пунктов в отдельности выглядит безобидным (хотя очевидно, что и по отдельности методы несут в себе угрозы). Преподаватели думают: «Что страшного, если человек читает Коран, переводит хадисы, выносит решения и читает правильные решения, хотя и радикальных ученых?» Но если все это объединить, то может получиться вот что: однажды к человеку может прийти некий провокатор и сказать: «Брат, открой перевод Корана Кулиева, почитай некий аят, посмотри в определенную книгу перевода хадисов на некий хадис, почитай решения «великих ученых» в книгах и сделай сам вывод!» Что получится? Сколько людей скажут: «Мне нужно сперва пойти к имаму, знатку Ислама, может, у него есть другое объяснение всему прочитанному!» Увы, этот пример не из будущего, сегодня уже происходят такие моменты.

Хотя у нас сейчас и не религиозная конференция, но поднятая мною тема очень важна и в рамках этой встречи. И вот почему! Мы видим, что приведенные мною четыре «ошибки» си-

рийских вузов, являющихся минами замедленного действия, с каждым годом все больше и больше провоцируют распространение ложной пропаганды в исламской среде среди мусульман России. Последствия ощутимы даже сегодня.

Если мы сейчас не предпримем меры, через пять–шесть лет как раз к следующим выборам президента России наверняка будут предприняты экстремистами попытки дестабилизации обстановки в России и последствия окажутся гораздо ощутимее, чем это мы уже видели/видим на своем веку на примере Украины, некоторых мусульманских стран и республик.

Резюмируя все вышесказанное, я хотел бы предложить варианты решения обозначенных проблем и болевых точек:

1. Следует рекомендовать Муфтияту РД возобновить деятельность экспертного отдела, чтобы граждане, предприниматели, занимающиеся продажей религиозной литературы, работники правоохранительных органов могли обратиться к мнению экспертов, какую литературу можно читать/разрешить продавать, а от какой следует воздержаться, а какая даже очевидно несет угрозу.

2. Нужно создать совместно с Министерством печати и информации, комитетом по свободе совести, взаимодействию с религиозными организациями РД и Муфтием РД специальный экспертный отдел. А они все потом могут организовать совместную работу по борьбе с пропагандой экстремизма в цифровом мире и не только. Следует взять под контроль Исламское онлайн-обучение (не забываем, что Интернет сейчас имеет сферой влияния не то что всю страну, но даже мир). В течение обучения преподаватели имеют долгий контакт и большое влияние на студентов. В некоторых так называемых программах сайтов с онлайн-обучением одновременно используются те четыре страшных направления, практикующиеся в некоторых арабских вузах, о которых я говорил выше.

Войдя в доверие к студентам, такие лжеучителя могут рекомендовать им добавиться в их различные группы в соцсетях, на просторах которых эти экстремисты продолжают вербовку. Раз есть спрос, мы должны выступить с достойной альтернативой на данную потребность исламского населения в получении достоверных

знаний, а именно: нужно предложить религиозным учебным заведениям создать, внедрить виды, проекты онлайн-обучения как благоприятный способ борьбы с экстремизмом и помощи тем людям, кто будет искать сайты для дистанционного получения знаний. Давайте больше привлекать в экспертные отделы специалистов из разных органов, в том числе теологов правоохранительных структур, которые знают изнутри данную проблему и сами защищены от негативного влияния экстремизма.

Наша страна как корабль, на котором мы все вместе плывем. Если внутри корабля решит вдруг одна группа людей: «А давайте мы не будем подниматься наверх за водой, а сделаем маленькую дыру внизу нашего судна и будем набирать воду здесь, снизу?!» Если люди, кто находятся наверху корабля, скажут, что их это не касается и пусть та кучка людей с нижнего этажа сама между собой решит вопрос с водой, что в итоге случится, если другие люди, кто внизу, которые находятся рядом с «заговорщиками», не поднимут шум, не предпримут попытки остановить экстремистов и не сообщат наверх, что там затевается?!

Различные группы людей в нашем обществе делают попытки сделать дыру в этом корабле, говоря: «Зачем нам идти и спрашивать у более опытного и знающего, у богослова? Лучше спрошу в какой-нибудь группе или можно «загуглить» и тут же получить ответ, сидя дома на диване». Если посмотреть на геополитику страны, станет очевидно, что попытки потопить наш корабль, к сожалению, будут всегда. И только работая вместе, сообщая, мы сможем сохранить себя и свое будущее в мире.

Энгин ОЗЕР

политолог, главный редактор сайта «Анкара-Москва», Турция

Модели сосуществования национальных и этнорелигиозных групп в рамках общего государства

Дорогие участники мероприятия, коллеги!

Один из основных вопросов, которому посвящена конференция, — поддержка этнических и религиозных меньшинств, традиционных культур против радикализма и экстремизма, насколько она может быть эффективна. Понятно, что практически всегда представители малых культур и этнических групп связаны с политической деятельностью, а проблемы меньшинств тесно связаны с политическими вопросами, с политикой. Поэтому правильно будет вести речь о реальной государственной и культурной политике в отношении меньшинств.

Существует несколько моделей существования национальных и этнорелигиозных групп в рамках одного общества и государства.

Разные модели существования обеспечивают разные уровни безопасности и возможность сохранения национальной и религиозной идентичности.

1. Обеспечение политических и культурных прав всех этнических групп в многонациональном и многоконфессиональном государстве. Условно назвать эту модель можно «ливанской». Она обеспечивает сохранение традиций и культур, религиозной идентичности самых разнообразных групп. Однако ее реализация предполагает слабое государство. В условиях слабого государства снижается безопасность. Появляются условия для зарождения радикализма и экстремизма, в том числе и исламского, а в случае с Ливаном — не только исламского.

2. Модель «апартеид ЮАР». В этой модели группы, выбранные «меньшинствами», подвергаются дискриминации с ограничением прав. Такая модель, помимо нарушения базовых прав человека, ведет и к деградации собственно доминирующей культуры и культур угнетаемых групп и обеспечивает условия для того же самого роста радикализма и экстремизма.

3. Модель сильного государства и относительно высокого уровня безопасности при ассимиляции этнокультурных групп в рамках крупнейшей нации. Я бы назвал эту модель «испанской» или «турецкой».

4. И, наконец, модель развития, которая предоставляет возможность сохранения традиций, развития наций и культур с одновременной их интеграцией в гражданское общество при сохранении сильной государственной власти. Эта модель продвигается, в частности, на Северном Кавказе Россией.

Я думаю, что нам надо изучать этот российский опыт борьбы с экстремизмом при одновременном сохранении корней и культурных особенностей наций и этнорелигиозных групп.

Имад АЛМАМА
представитель сирийской диаспоры в Москве

Нейтрализация источников терроризма: современный ислам

В начале своего выступления хочу поблагодарить Российскую Федерацию — как правительство, так и народ Российской Федерации, и особенно руководство Российской Федерации, Владимира Путина — за все их усилия, которые они прикладывают для борьбы с экстремизмом и терроризмом в Сирийской Арабской Республике (САР).

Результативная борьба с терроризмом подразумевает комплексный подход и ведется на нескольких уровнях. Первый уровень — военный. Здесь основная задача — уничтожение военной мощи террористических групп.

Второй уровень — политический. Здесь речь идет об укреплении государственной законодательной и юридической базы. На этом уровне блокируется возможность использования террористических

групп как инструмента для изменения установленных в государстве порядков, обеспечивается сохранение демократических свобод.

Третий уровень — информационно-технологический. На нем блокируется возможность получения информационной и технологической помощи террористическим и экстремистским группировкам, необходимой для расширения их деятельности. Так, в Сирии террористические группировки, к сожалению, имеют широкие возможности для распространения своей идеологии. Этот уровень, конечно, связан с «политическим». В качестве примера можно привести поддержку различными государствами организации «Белые каски».

Четвертый уровень — интеллектуальный и идеологический. Все победы на предыдущих уровнях останутся временными, пока мы не добьемся интеллектуального превосходства на фоне уничтожения источников экстремизма и терроризма. Особенно это важно в странах со сложной национальной и конфессиональной структурой, таких как Сирия и Россия. Ведь террористы используют эти факторы для формирования ненависти друг к другу. Так, например, поступали запрещенные в России террористические организации, такие как «Исламское государство» (ИГ), «Джабхатан-Нусра» и др. Они брали идеи из некоторых книг, входящих в исламское религиозное наследие, и использовали их для побуждения к ненависти, злости, убийствам, как на религиозной, так и, по сути, на национальной почве. Их вырывали из культурного и исторического контекста и использовали для обучения в экстремистском духе и детей, и студентов университетов, прихожан мечетей. Содержание этой «учебы» не соответствовало общечеловеческим ценностям. Поддержку экстремизм получал не только со стороны ряда государств, но и со стороны некоторых благотворительных фондов, предоставляющих собранную материальную помощь террористическим группировкам. Эти так называемые благотворительные фонды не ограничиваются отправкой террористам имущества и материальной поддержки — они способствуют «поставкам» людей, наемников для войны, так называемых джихадистов, которые готовы и к самоподрыву, расставанию с жизнью ради реализации «наивысшей цели» войти в рай. Этому способствует работа ряда

религиозных организаций, которые призывают черпать знания «прямо из Корана». Книги различных проповедников, призывающие к экстремизму и терроризму, переведены на многие языки и преподаются в качестве единственно верного исламского учения. При этом игнорируется то, что многие правила и законы, описанные в этих юридических и богословских трудах, были актуальны для своего времени и определенных регионов и территорий. Так, например, используются понятие «исламское государство», «государство неверных» и т.д., но это было актуально в определенных регионах более 1200 лет назад. Причем это были политические понятия и принципы, никакого отношения к религии не имевшие. Даже наш пророк Мухаммад (мир Ему), когда построил исламское государство, он не назвал его «исламским государством», не назвал его «государством Медины». Он дал свободу исповедовать другие религии, вести религиозную деятельность. Он даже не наказывал тех, кто не совершали намаз или же не постились. Пророк (мир Ему) оставлял этот вопрос на суд Всевышнего. Реализовывался принцип нашей религии, связанный с отказом от принуждения. Всевышнему должны поклоняться добровольно. Поэтому религиозным деятелям и исламским мыслителям предстоит огромная работа для того, чтобы источником религии был Коран, правильные источники, но не те книги, которые легли в основу идеологии террористических и экстремистских групп и направлений, как учение ибн-Таймия и подобных ему.

Хочу обратить внимание на аят из Корана, который указывает на то, что все религиозные направления и народы будет судить только Всевышний Аллах в Судный день. Учитывая это, от государства не требуется, чтобы оно было именно религиозным, как нас хотят в этом убедить некоторые террористические или исламские группы. Религиозное государство отвергнуто изначально, будь оно исламским, христианским или еврейским. Религия объединяет, совершенствует или упорядочивает отношения между человеком и Всевышним Аллахом, а государство — дает возможность общего гармоничного сосуществования людей разных религий и национальностей. Я надеюсь, что религиозные учителя будут работать именно в этом направлении.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«Северный Кавказ на стыке цивилизаций:
культурная политика как ресурс
укрепления межнационального мира
и межрелигиозного согласия»

(Владикавказ, СОГУ, 19 октября 2018 г.)

Михаил Игоревич ЧЕРНОВ

руководитель проекта

Вступительное слово

Уважаемые дамы и господа! Уважаемые представители университета, властей Республики Северная Осетия–Алания, уважаемые представители духовенства, уважаемые эксперты!

Прежде всего я хотел бы поблагодарить уважаемых партнеров нашего проекта — Фонд президентских грантов, Северо-Осетинский государственный университет имени Косты Левановича Хетагурова и всех моих друзей в Северной и Южной Осетии, без которых и конференция и все наши осетинские мероприятия были бы невозможны.

Осетия была выбрана местом проведения конференции не случайно. Здесь смыкаются разные цивилизации, религии и культуры. Осетия, Алания скрепляет Центральный Кавказ и Закавказье водоедино, связывает Россию с иранским миром, а через диаспору с

Малой Азией, Турцией — Ближним Востоком в целом. Она обеспечивает не только культурно-цивилизационную связь, но и «связь на месте», на земле через горы Кавказа. Основные сухопутные транскавказские маршруты, как действующие, так и перспективные, проходят через Северную и Южную Осетию. Это и Военно-Грузинская дорога, и Транскам, и, в перспективе, Военно-Осетинская дорога. Этот потенциал нельзя не использовать во благо Алании, народов Кавказа, России, народов всей нашей Евразии. Мы, представители разных стран, собрались здесь, чтобы обсудить вопросы культурной политики, межнационального мира и межрелигиозного согласия как основы для нашего дальнейшего развития, нашего общего счастливого и успешного будущего. Уверен, мы добьемся наших целей.

Спасибо.

Руслан Сулейманович БЗАРОВ
директор Института истории и археологии РСО-Алания

Центральный Кавказ в ритмах культурно-политической и геоэкономической истории

Началом и фундаментом той трехтысячелетней традиции евразийского культурно-исторического единства, которая лежит в основе трансконтинентальных и надэтнических параметров российского политического и цивилизационного пространства, послужила скифская цивилизация. На излете скифского мира это пространство было «сшито» грандиозным сармато-аланским продвижением от Центральной Азии к Атлантическому океану. Следом двинулись гунны, а в средние века евразийская интеграция окончательно воплотилась в военно-политические формы тюркских каганатов и Монгольской империи. И наконец, в новое и новейшее время соци-

окультурные и государственные достижения предшествующих эпох по праву наследовала и консолидировала Россия.

Уникальное геополитическое положение и природные ресурсы Кавказа во все времена делали его яблоком раздора между мировыми державами, вовлекая народы региона в бесчисленные международные интриги и столкновения чужих интересов. В XX веке круг государств, вовлеченных в кавказские дела, расширился за счет США и других стран НАТО — борьба за Кавказ теперь несет угрозу глобального столкновения.

Историческая закономерность: Кавказ никогда не удавалось контролировать с юга, и противостояние борющимся за него южным империям во все времена становилось важнейшей задачей для той восточноевропейской державы, которая владела территориями Северного Причерноморья, Поволжья и Прикаспия. В древности это было Скифское царство, потом Алания первых веков новой эры, в средневековье — Хазарский каганат, Золотая Орда и, наконец, в новое время — Россия.

Стоит отметить, что одной только России удалось почти на два столетия объединить под своей властью весь Кавказ. Это положение сохранялось (с трехлетним перерывом после 1917 г.) до распада СССР. Российская Федерация остается крупнейшим из кавказских государств, включая в качестве субъектов республики и края Северного Кавказа.

Россия прикована к Кавказскому хребту потому, что без него нельзя сохранить ни евразийских масштабов, ни перспектив великой державы, ни даже побережья Черного и Каспийского морей.

О кавказской модернизации

Ключевое значение для понимания многообразных социокультурных процессов на российском Кавказе имеет сюжет модернизации, понимаемой как переход от традиционного общества к индустриальному, от самоуправления к государству. Интрига модернизации не только придает российско-кавказской истории социальное напряжение и наполняет ее культурными смыслами, — она позволяет построить единую «рамочную» периодизацию, преодолевая многообразие и

сложность региона, учитывая специфические особенности конкретных обществ.

Базовая, самая простая схема периодизации отправляется от военно-административного освоения Кавказа, граница между первым и вторым периодами — эпоха Великих реформ, граница между вторым и третьим периодами — тоталитарно-унитаристские преобразования конца 1920-х–1930-х гг. Завершение третьего и, надеюсь, переход к четвертому периоду происходят на наших глазах — в ходе нынешних российских реформ.

Если изобразить такую последовательность в виде волнообразной линии, пересекающей горизонтальную ось исторического времени на пограничных отрезках между периодами, первая и третья волна окажутся на графике под линией времени, вторая и, надеюсь, четвертая — над осью.

Для «депрессивных» первого (дореформенного) и третьего (тоталитарно-перестроечного) периодов определяющей социокультурной характеристикой является интенсивная маргинализация, происходящая из слома традиционных устоев, утраты привычных статусов и ценностей, распада старых и насаждения новых социальных механизмов. В завершающей половине каждого из «депрессивных» периодов быстрый рост маргинальных слоев населения формирует социальную базу глубокого кризиса с резким возрастанием социокультурной конфликтности, социально-политической дезинтеграции, этнополитической дестабилизации. Этапы острой социальной и военно-политической конфликтности неизбежно следовали за волнами массовой маргинализации Северного Кавказа в XIX и начале XX века.

Выпав из прежней среды и не адаптировавшись в иной среде, маргинальные слои попадают в соционормативную и аксиологическую прострацию, становятся легкой добычей радикальных движений и источником социальных конфликтов. Отдельного упоминания достойно целенаправленное наступление на традиционную культуру, равно характерное для тех же кризисных отрезков XIX и XX столетий. Замечательно, что это наступление было развернуто с разных, на первый взгляд взаимоисключающих, сторон — государством и исламским фундаментализмом.

Определяющей социокультурной характеристикой второго (пореформенного и дототалитарного) периода является форсированное строительство национальной культуры, призванной обеспечивать культурные потребности развитого (государственного, рыночного, индустриального) общества. Относительная легкость, с которой в ту эпоху кавказские общества принимали инновации и адаптировалось в меняющемся мире, объясняется прежде всего успешным строительством собственной национально-культурной инфраструктуры.

Российский Кавказ конца XIX и начала XX века переживал бурную эпоху общественно-культурной активности — время становления наций и формирования национальных культур — подлинное Национальное возрождение во множестве самобытных вариантов. Трансформация традиционных практик, произведенная революцией, также компенсировалась планомерным созданием государственных институтов национальной культуры, целенаправленной подготовкой профессиональных кадров, широкой программой национализации образования. Срыв наступил во второй четверти XX в., когда с победой идеологии унитаризма началось постепенное свертывание национально-культурного строительства, последовали репрессии против его идеологов и активных участников.

Денационализация под лозунгом создания единого «советского народа» стала основой нового витка интенсивной маргинализации и привела к глубокому социально-политическому и социокультурному кризису. Деморализация, структурная деградация общества, массовое социальное иждивенчество, люмпенизация и контркультурное сектантство составляют благоприятную почву для общественного нигилизма, экстремизма, религиозного радикализма.

Незавершенность национально-культурного строительства — таков общий диагноз современного культурного состояния большинства народов российского Кавказа, одна из фундаментальных причин кризиса в духовной и социальной жизни.

Последние три десятилетия, принесшие крупные социально-экономические и военно-политические потрясения, не случайно отмечены возвращением к традиционным ценностям. Архаизация — это неоспоримый симптом отсутствия развитых институтов совре-

менной национальной культуры, адекватных востребованным уровням самосознания народа и личностной идентичности граждан.

Выбор достаточно прост — либо развитие национальных культур, только и способных к саморазвитию и активным внешним контактам, либо продолжение духовной и социальной деградации на почве отсутствия национальных механизмов адаптации в российском и мировом культурном пространстве. Только полноценное развитие национальной культуры обеспечивает успешную модернизацию и эффективное развитие общества в меняющемся социальном контексте.

Российский Кавказ оставляет мало сомнений в том, что будущее России — в укреплении федерализма и эффективном строительстве гражданской нации, опирающейся на собственный исторический и культурный опыт России, берегающей свои народы. Именно в этом заключается ответ на вопрос о секрете устойчивости России, в отличие от всех других многосоставных государств XIX и XX веков. Чем сложнее внутренняя структура общества, чем многообразнее его этнический состав, чем сложнее и асимметричнее его культура, чем разнообразнее формы адаптации и встраивания в общегосударственный контекст, — тем больше у него шансов выжить, тем более оно устойчиво и жизнеспособно.

Об «осетинской» логистической перспективе

Особое геополитическое положение Осетии, расположенной в самом центре Кавказа по обеим сторонам Главного хребта, делает ее небольшую территорию еще и важнейшим внешнеэкономическим плацдармом. Как показывает исторический опыт, Осетия выступает ключевым звеном объективных экономических и политических интересов России в масштабном регионе Большого Кавказа и Передней Азии.

Глубокий кризис, постигший нас с падением планового хозяйства, не может быть объяснен ни дотационностью бюджета, ни коррупцией, ни отсутствием стабильности — эти условные показатели являются не причинами, а следствиями социально-экономической

деградации. В то же время все эффективные экономические проекты (от спирто-водочной эпопеи 1990-х гг. до успешных кампаний нынешнего времени) осуществлены в рамках стихийного возвращения к естественной матрице хозяйственного развития, опирающегося на ресурсную базу региона. Сложившемуся еще в XIX веке репертуару осетинской рыночной экономики, включающему переработку природных материалов и аграрной продукции (поступающих в том числе с соседних территорий), сегодня недостает коммуникационной активности. Именно логистическая и транспортная роль Осетии, в 1875 г. соединившей Владикавказскую железную дорогу с перевальными транскавказскими магистралями, воплотилась в высокие темпы экономического и социального развития последней четверти XIX века, обеспечила приток инвестиций, многократно увеличила рентабельность промышленности и сельского хозяйства.

Геополитические и геоэкономические закономерности непреодолимы. И в условиях современной глобальной экономики кардинальный и системный выход Осетии из состояния депрессивной стагнации лежит на пути восстановления ее естественных логистических и транспортных функций. Только в этой парадигме может обрести реальные очертания инвестиционное и технологическое сотрудничество с крупным российским и ближневосточным бизнесом. Транспортно-логистическая ось позволит сбалансировать экономику, обеспечив интенсивное использование горного и равнинного земельного фонда, а значит — поможет остановить урбанизацию, разрушающую социокультурную и хозяйственную жизнь районов республики, станет опорой для реального развития курортно-туристического кластера экономики.

Центральный Кавказ имеет ключевое значение для безопасности и экономических связей России и всего Евразийского союза на ближневосточном направлении. Традиционным инфраструктурным и транспортным ядром региона остается Осетия, способная открыть наиболее удобный транспортный коридор для сухопутной торговли с Ираном, Ираком, Турцией и т.д. Возможности соседних северокавказских субъектов РФ, все чаще заявляющих претензии на подобную роль, могут быть востребованы лишь в случае пас-

сивности политического руководства и бизнес-элиты Северной Осетии.

Основой для восстановления транскавказского транспортного коридора должно стать железнодорожное сообщение по прямой линии: Северная Осетия — Южная Осетия — Грузия — Армения — Иран. Российские проекты строительства железной дороги через Осетию в Закавказье известны с конца XIX века и не раз обсуждались в советский период.

Для соединения Северо-Кавказской железной дороги с Закавказской железной дорогой должен быть построен отрезок пути Алагир—Цхинвал и отремонтирован участок пути Цхинвал—Гори. Прямому автомобильному и железнодорожному выходу в Армению, а через нее в Иран препятствует сегодня отсутствие взаимопонимания между Россией и Грузией. Сегодня кажется, что развитие событий на Ближнем Востоке и сближение России с Ираном и Турцией делают обсуждение подобного проекта вполне реальным.

В июне 2016 г. подписано соглашение между Россией, Ираном и Азербайджаном о соединении железнодорожных участков транспортного коридора «Север—Юг». Азербайджанский коридор отнюдь не является оптимальной траекторией соединения восточноевропейских территорий с Передней Азией, оставляет в стороне Армению и Грузию, не работает на стратегические интересы России и Ирана в Армении. Однако само соглашение ясно указывает на совпадение интересов и направление мысли, обозначая тем самым перспективное направление сотрудничества.

В складывающихся условиях было бы уместно обсуждение проекта прямого железнодорожного сообщения между Россией и Арменией через Южную Осетию и Грузию. Трасса международной железной и автомобильной дороги вполне может быть проложена и введена в действие на принципах экстерриториальности и нейтральной зоны. Долгосрочный проект такого экономического масштаба мог бы стать началом постепенного сближения и установления добрососедских отношений между Россией и Грузией, Южной Осетией и Грузией.

Андрей Петрович КЕЛЕХСАЕВ
референт правового управления МИД РФ

Культурно-политические аспекты трансграничного сотрудничества

В современном мире в результате стремительно развивающихся интеграционных процессов набирает популярность процесс трансграничного сотрудничества, которое способствует усилению экономических, политических и культурных связей между государствами, а также является экономической основой идеи многополярного мира. Актуализация темы трансграничных контактов происходит и на территории Южного Кавказа. Включенность Закавказья в целый ряд программ, таких как китайский «Шелковый путь», российский ЕАЭС, так называемая европейская «Зона глубокой и всеобъемлющей свободной торговли» и др., служат лучшим тому доказательством.

В силу целого ряда объективных причин превращение Южного Кавказа из зоны конфликтов в серьезный региональный коммуникативный, деловой и экономический центр не может не затронуть Южную Осетию, по территории которой проходит важная, безопасная и всесезонная автомобильная дорога — Транскавказская магистраль (Транскам). Транскам обладает серьезным экономическим потенциалом, так как в состоянии связать крупных региональных акторов — Россию, Турцию, Иран, Сирию, Армению и Грузию — кратчайшим наземным путем по коридору «Север — Юг» и обеспечить, таким образом, реализацию их экономических интересов. В настоящее время использование Транскама в условиях нежелания Тбилиси признавать политические итоги августа 2008 года обсуждается в рамках механизма функционирования так называемого «Второго коридора» ВТО. В конце 2017 — начале 2018 гг. Россия и Грузия подписали контракты с нейтральной швейцарской компанией SGS, которая должна осуществлять мониторинг проходящих по транзитному коридору товаров. Однако наличие подписанных контрактов сам коридор не открыло. Спорными и нерешенными остаются вопросы таможенного и паспортного контроля на границе РЮО и Грузии. Южная Осетия не готова разменивать свой статус признанного, независимого государства на экономические преференции и угрозу потери своего суверенитета. Грузия, в свою очередь, опасается, что повышение уровня экономического развития Цхинвала окончательно закроет мифическую тему «восстановления территориальной целостности» и станет очередным шагом на пути дальнейшего международного признания республики. При этом Южная Осетия не просто внимательно наблюдает за развитием ситуации. Президент Южной Осетии Анатолий Бибилов несколько раз четко обозначал как наличие у республики своих интересов, так и красных линий, которые Цхинвал не перейдет ни при каких обстоятельствах. В частности, президент отметил, что «Южная Осетия — государство, имеющее свою позицию и свои интересы. И при реализации данного проекта мы не собираемся играть какую-то второстепенную роль, мы готовы участвовать в нем только в качестве равноправных партнеров». На международном экономическом

форме в Санкт-Петербурге А. Бибиллов заявил, что «в любом случае Южная Осетия должна быть представлена как полноценный партнер, как государство, через которое проходит эта транзитная дорога, и, соответственно, отношения должны быть построены на этом равноправии». При этом независимо от положительного или отрицательного решения вопроса открытия «Второго коридора ВТО» Южная Осетия при поддержке Российской Федерации реализует целый ряд инфраструктурных проектов, направленных на строительство новых дорог, расширение дорожного полотна Транскама и обеспечение его дорожной безопасности.

Со стороны РСО-Алания также на всем протяжении Транскавказской магистрали с 2017 года активно проводятся ремонтные и восстановительные работы, меняется и укладывается новое полотно, вдоль опасных участков дороги устанавливаются защитные барьеры, используются противокаменные армированные заграждения. По обеим сторонам Рукского тоннеля функционируют круглосуточные дорожно-ремонтные бригады, которые отвечают за расчистку дороги и придорожной полосы. Ведется работа по усовершенствованию и расширению объездной дороги над г. Цхинвал, которая значительно облегчит логистику и исключит задержки грузопотока. Рассматривается возможность строительства на территории Южной Осетии логистических центров, способных обеспечить интересы третьих стран и гарантировать безопасность и сохранность их грузов в условиях имеющихся разногласий между Москвой и Цхинвалом, с одной стороны, и Тбилиси, с другой. Особое внимание экспертного сообщества Южной Осетии приковано к программе газификации республики. Так, к 2020 г. практически к каждому горному селу будет проложена автомобильная дорога, линия электропередач и система газовых сетей. Южная Осетия по уровню своего инфраструктурного развития имеет все шансы обогнать сопредельные горные территории России и Грузии. Вместе с тем существует мнение, что Южная Осетия после признания ее независимости со стороны Сирии имеет минимальный экономический интерес к проекту транзитного коридора. Югоосетинский бизнес и деловые круги готовы реализовать открывшиеся перспективы для выхода на сирийский рынок и в

дальнейшем использовать предоставленные Дамаском площадки для расширения своих возможностей.

Что касается Грузии, то для нее тема транзита вообще и тема транзита по коридору «Север — Юг» имеет куда большее значение. В частности, правительство Грузии реализует план по созданию на своей территории крупного транспортного логистического центра (хаба), который свяжет не только Запад и Восток, но будет задействован в направлении Север — Юг. Для реализации поставленной задачи в первую очередь планируется максимально использовать потенциал Военно-Грузинской дороги. Здесь на участке Коби — Млети ведется строительство тоннеля. Также на стадии строительства находятся автомобильные дороги в регионах Имеретия, Рача-Лехуми и Сванетия, которые позволят Тбилиси выйти на Военно-Осетинскую дорогу через Мамисонский перевал.

В отличие от Южной Осетии для Грузии открытие транспортного коридора по линии «Север — Юг» является жизненно необходимым шагом. Так, ВВП Грузии составляет около 3,5–4 тысяч долларов США на человека и сильно отличается от ВВП России — 9 тысяч долларов, средних стран ЕС — 12–15 тысяч долларов, а также Германии, Франции, Италии — 25 тысяч долларов. Добавим к этому, что суммарный внутренний и внешний долг страны составляет 11 млрд долларов США, а размер бюджета всего 4,8 млрд долларов. Таким образом, официальный Тбилиси стоит перед сложной задачей — увеличения ВВП и доходной части бюджета как минимум в 3–4 раза. При этом страна ежегодно получает из России в виде почтовых переводов порядка 800 млн долларов США, почти шестую часть бюджета. Не будет большим преувеличением сказать, что нормализация двусторонних отношений России и Грузии, а также запуск в полном объеме не только транзита через Южную Осетию, но всего потенциала транспортного коридора «Север — Юг» теоретически даст Грузии возможность значительно увеличить статьи своего дохода.

Однако на пути достаточно простого политического и экономического решения стоят некоторые культурно-политические или даже политико-культурные особенности современного грузинского дискурса. Анализ новейшей истории Грузии показывает, что

грузинский истеблишмент не может выстраивать горизонтальные и равноправные культурные, политические и экономические отношения. Вся система грузинской культурной политической коммуникации организуется по модели «доминирование — подчинение» и предполагает только вертикальную, почти феодальную, систему отношений, в которой нет места ни диалогу, ни равноправию — либо диктат, вплоть до геноцидных действий, либо подчинение, вплоть до смены веры и цивилизационной парадигмы.

Современная практика международных отношений довлеет в сторону установления между субъектами международного права как раз горизонтальных и равноправных контактов, таких отношений, где во главу угла ставится умение слышать оппонента, учитывать его интересы, находить компромисс и, самое главное, вести диалог. В качестве яркого примера такого рода связей можно привести модель взаимоотношений между Россией и Южной Осетией. В настоящее время между Москвой и Цхинвалом, несмотря на абсолютно несопоставимые размеры и статусы двух стран, сформирована беспрецедентная, не имеющая аналогов система равноправных горизонтальных культурно-политических коммуникаций. Российская сторона блестяще справляется с задачами военно-политической поддержки и экономического развития республики. В свою очередь Южная Осетия, имеющая в своей традиционной политической культуре актуальные модели горизонтальных социальных связей и ярко выраженное тяготение к ценностным установкам православной цивилизации, на сегодняшний день является одним из самых успешных проектов Москвы на кавказском направлении.

Что касается официального Тбилиси, то он, несмотря на наличие у него жизненно важных интересов, связанных с открытием транспортного коридора «Север — Юг», продолжает руководствоваться в своей деятельности не объективной реальностью, а своими мифопоэтическими представлениями о ней. В частности, Грузия упорствует в создании и насаждении различных фобий, пытается манипулировать общественным мнением, разрабатывает «мирные», но крайне реваншистские планы и стратегии по «восстановлению» своей «территориальной целостности». Причем де-

лается все это настолько топорно и грубо, что дает повод усомниться в наличии у Тбилиси культурно-политических навыков решения каких-либо внешнеполитических задач вообще.

Что касается позиции Южной Осетии, следует еще раз отметить, что в вопросах функционирования ВТО-коридора Цхинвал поддерживает своего стратегического партнера Россию, но при этом твердо стоит на том, что транзит не должен стать угрозой безопасности республики. Признание со стороны России и Сирии, а также развивающиеся дипломатические и экономические отношения с ДНР и ЛНР возвращают Южную Осетию в серьезную региональную политику. К транзитным, экономическим и политическим возможностям РЮО проявляют интерес Армения, Турция и Иран. Все это, как минимум, делает республику местом, благоприятным для поиска культурно-цивилизационных точек соприкосновения, т.к. помимо всего прочего РЮО не имеет каких-либо проблем в отношениях с крупными игроками региона, такими как Иран, Турция и страны арабского мира. При грамотном подходе начало функционирования коридора «Север — Юг» может стать примером удачного взаимовыгодного сотрудничества, основанного на принципах равноправия, справедливости и законности.

Вместе с тем, подводя итог, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что полноценное функционирование так называемого «Второго коридора» ВТО не представляется возможным без политического согласия официального Цхинвала.

Икбаль ДЮРРЕ

доцент кафедры теории регионоведения
Московского государственного лингвистического университета

Ближневосточный фактор в этнополитических процессах на Северном Кавказе

Северный Кавказ имеет давние связи с ближневосточными территориями. С начала письменной истории и до XIX столетия большое значение в культурном развитии местных народов играли Византия, Арабский халифат, султанаты сельджуков, сасанидская и каджарская Персия, а также Османская империя. Для многих из этих давно забытых государств Северный Кавказ был не просто инструментом борьбы с кочевниками или пространством для имперской экспансии, Северный Кавказ был местом встречи различных культур, а его население было партнерами по торговым операциям. Затем эти земли стали частью России — поликультурного и многонационального государства, которое способствовало формированию национального самосознания народов Северного Кавказа (особенно в со-

ветский период с помощью унификации литературных языков, формирования популярной литературы на местных языках).

Именно сложности исторического пути народов Северного Кавказа обусловили определенную двойственность в их геокультурной ориентации. С одной стороны, северокавказские регионы являются частью общероссийского культурного, политического и экономического пространства, их население активно участвует во внутрироссийских процессах (некоторое исключение может составлять Чечня, где сложились особенные отношения субъекта федерации и центрального правительства). С другой стороны, Северный Кавказ имеет самые тесные религиозные и этнонациональные связи не только с Закавказьем, но и с Турцией, Сирией, Ираком и Ираном.

Например, одна из историко-культурных нитей, которая связывает Северный Кавказ с Турцией, — это явление мухаджирства, переселения мусульман из Российской империи. Как известно, в XIX столетии переселялись не только черкесы, но и представители осетин, чеченцев, карачаевцев, балкарцев и некоторых дагестанских народов (аварцы, кумыки). Свои родные места покинуло до 1 миллиона человек¹. На сегодняшний день потомки мухаджиров сохраняют свою идентичность, создают организации, которые имеют целью развитие территории их происхождения. О значимости северокавказской (или «черкесской») диаспоры свидетельствуют такие факты: например, в парламенте Иордании для «черкесов» установлена квота в 3 места. Более того, в стране работают две крупных благотворительных организации — «Чеченское благотворительное общество» и «Общество друзей Чечено-Ингушетии»².

После распада СССР наблюдается тенденция активизации отношений северокавказских республик и разных групп «черкесской» диаспоры на Ближнем и Среднем Востоке. При содействии Международной черкесской организации возникли представительства диаспор в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Адыгее. Не обо-

---

¹ *Чеджемов С.Р.* Конфессиональная политика Российской империи в середине XIX в. (на примере переселения народов Кавказа, исповедовавших ислам, в Турцию) // Народы и религии Евразии. 2018. № 1 (14). С. 108–116.

² *Азимов А.С.* Этнонациональный ракурс взаимоотношений Кавказа со странами Ближнего и Среднего Востока // Власть. 2009. № 2. С. 81–84.

шлось и без острых моментов: представители зарубежных северокавказских народов выдвигали требования о признании переселения мухаджиров и событий Кавказской войны 1817–1864 гг. геноцидом черкесского (адыгского) народа, о восстановлении автономии шапсугов (субэтнос адыгского народа) на территории Краснодарского края, о применении к северокавказским общинам положений российского законодательства об облегченном получении гражданства³.

Процесс репатриации заметно усилился после начала полномасштабного конфликта на Ближнем Востоке. По имеющимся данным, началось переселение «черкесов» из Сирии: с начала войны около 800 человек репатриировались в Адыгею, чуть менее 1 тыс. — в Кабардино-Балкарию и 37 — в Карачаево-Черкессию⁴. С учетом того, что за 1990–2000-е гг. в Адыгею и Кабардино-Балкарию репатриировалось около 2 тысяч человек, новая волна переселения достаточно значительная. Естественно, встает вопрос о размещении, трудоустройстве и адаптации переселенцев.

В непростых для России международно-политических реалиях ближневосточный фактор на Северном Кавказе может стать инструментом в руках оппонентов. Не секрет, что некоторые политики в Турции всячески поощряют пантюрксистские настроения, что может иметь эффект в отношении балкарцев, карачаевцев, кумыков. Эта линия совмещается со стимулированием панисламистских настроений у нетюркских народов Северного Кавказа. Наиболее радикальные мыслители и политики в Турции полагают, что желательный результат — это создание конфедерации или федерации кавказских народов, более масштабное повторение опыта Республики объединенных горцев Северного Кавказа. Так, один из идеологов пантюркизма А. Туркеш, например, утверждал: «...Крайне важно создать условия для сближения Азербайджана и Грузии, наладить отношения с Дагестаном, с северокавказскими народами, найти точку соприкосновения с Арменией и сделать, таким образом, первый шаг на пути создания Кавказской конфедерации»⁵.

---

³ Кушхабиев А.В. Проблемы репатриации зарубежных черкесов: история, политика, социальная практика. Нальчик: КБНЦ РАН, 2013. С. 82–90.

⁴ Соотечественники за рубежом конфликта // www.kommersant.ru/doc/2868620.

⁵ Эмирлов Р.М. Этнонациональный фактор во взаимоотношениях Кавказа и стран Ближнего Востока // Власть. 2014. № 12. С. 207–212. С. 209.

Не менее опасны возможные действия США. С начала 2000-х гг. в американских экспертных и бюрократических кругах обсуждается идея Большого, или Нового, Ближнего Востока. Данный проект широко не афишировался, но он имеет сторонников, в том числе в рядах нынешней президентской администрации. Основная идея состоит в том, чтобы создать в регионе пояс небольших, лояльных Вашингтону государств и с помощью неправительственных организаций всячески поощрять там демократию. В условиях нынешнего противостояния США и России американцы могут активизировать свои усилия на данном направлении и тем самым, дестабилизировать ситуацию не только в соседних государствах, но и на собственной российской территории⁶.

Хотя об этом мало известно, но пристальное внимание на Северный Кавказ обращает и Иран. Задача Тегерана в данном случае простая: не допустить усиления Турции в регионе и уравновесить американское влияние (прежде всего в Азербайджане). В этом иранцам могут помочь прежде всего дагестанские шииты, а также нетюркские народы (например, осетины). Именно в этом ключе следует рассматривать проекты транспортных коридоров по линии «Юг — Север»: Тегеран стремится решить не только текущие задачи реализации добытой нефти, но и долгосрочные задачи геостратегической переориентации Северного Кавказа.

В целом получается, что исторические связи Северного Кавказа с Ближним и Средним Востоком сейчас приобретают новое значение: помимо чисто людских и этнических контактов, большую роль начинает играть геополитический фактор — само географическое расположение Северного Кавказа. Это, по всей видимости, будет означать рост интереса Турции, Ирана и США к данному региону. В то же время сотрудничество России с этими странами по сирийскому вопросу и по вопросам борьбы с терроризмом может позволить минимизировать возможные негативные последствия от такого пристального интереса, найти точки соприкосновения.

---

⁶ Сучков М.А. Кавказ в американской парадигме Большого Ближнего и Среднего Востока // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2010. № 4 (25). С. 134–135.

СМИ о проекте

Михаил ЧЕРНОВ

Основы будущего мира на Ближнем Востоке
необходимо выстраивать уже сейчас

(ИА «Реалист». 04.042018 // realtribune.ru/news/world/772)

*Ближневосточная война подходит
к Российскому государству, полагает эксперт*

27 марта 2018 года в Москве в палатах Аверкия Кириллова (здании Института природного и культурного наследия имени Д.С. Лихачева) состоялся круглый стол «Ближний Восток — Северный Кавказ: культурная политика в деле укрепления межнационального мира и межрелигиозного согласия». В рамках мероприятия состоялась также презентация одноименного проекта.

Со вступительным словом выступил и.о. директора Института Наследия и член Оргкомитета проекта Евгений Бахревский. Он отметил символичность того, что проект стартует в здании XVI

века, где в 1864 году по инициативе графа Уварова было организовано Московское археологическое общество. По словам Бахревского, «археология и краеведение России началось непосредственно в этой комнате, где проходит круглый стол».

С кратким рассказом о проекте выступил его руководитель, член Оргкомитета проекта **Михаил Чернов**. «Нам оказано Фондом президентских грантов и, следовательно, государством большое доверие в том, что касается реализации вопросов, о которых мы говорим. В рамках проекта пройдут три основных мероприятия. Первое — конференция «Положение этнических и религиозных меньшинств в условиях многонационального региона». Конференция пройдет в мае в Москве. Состав участников из государств Ближнего Востока будет достаточно внушительным — ожидаем представителей этнорелигиозных групп из этого древнего региона, стран «Благодатного полумесяца». Что мы, собственно, хотим? Мы понимаем, что в регионе идет война и что, скорее всего, она будет расширяться географически. Появятся новые военные векторы и новые участники противостояния, государства, чьи интересы так или иначе придется учитывать. В то же время мы понимаем, что за войной неизбежно последует мир. И что ответственность за будущий мир мы должны брать на себя уже сейчас. Брать ответственность — значит готовить новую ситуацию и выработать новые правила. Нам необходимо сохранить все богатство и смыслы стран «Благодатного полумесяца» в его разнообразии. Здесь родились многие основы современной цивилизации, как Запада, так и Востока. И если их «зачистить» по тем или иным политическим или военным соображениям, то произойдет упрощение региона, стирание каких-то элементов, важных для цивилизации. Так что выстраивать основы будущего мира необходимо уже сейчас.

Выстраивать таким образом — пригласить в Москву представителей региональных этнорелигиозных общин, а также экспертов из стран, которые играют значительную роль в региональных событиях. Это Россия, Турция и Израиль (и как территории региона и как силовые игроки со своими интересами), на некоторых площадках Саудовская Аравия и Иран. Особенно хочу подчеркнуть, что мы вовсе не стремимся приглашать гостей, исключительно ло-

яльных к российской позиции и политике. Позовем и тех, кто настроен критично, и вместе будем выстраивать наше общее будущее.

Почему «Ближний Восток — Северный Кавказ»? Типологические, культурные, исторические, кровные связи и были, и сохранились, и актуальны. В рамках второго мероприятия, в Махачкале, мы планируем проведение круглого стола «Сохранение национальной и религиозной традиции в условиях экстремизма». И понятно, что российский опыт, северокавказский опыт, дагестанский опыт... эти модели могут оказаться очень важными для сосуществования различных групп на Ближнем Востоке.

Конференция во Владикавказе в партнерстве с Северо-Осетинским государственным университетом (СОГУ) — «Северный Кавказ на стыке цивилизаций: культурная политика как ресурс укрепления межнационального мира и межрелигиозного согласия». Сейчас активно идут контакты между Россией и Арменией, Грузией, Ираном, Турцией. Мы понимаем, что границы откроются и базовые пути будут проходить на стыке цивилизаций, через культурный перекресток, а именно — в Осетию. Соответственно, мы планируем собрать представителей народов региона, который станет связующим звеном в наших контактах с государствами Ближнего Востока, укрепить связи и заложить основы долгосрочного диалога. Результатом мероприятий должно стать формирование международных экспертных групп, которые будут работать в медиапространстве и внутри своих государств. По итогам Московской конференции мы попробуем принять общую декларацию.

«Для меня этот проект очень важен, потому что (не хотел бы употреблять любимый всеми термин «передовой рубеж») это проект пионерный. Проект, который позволяет посмотреть синергию макрорегионов в условиях новой глобализации... Прежней глобализации более не существует, прежде всего по причине нарастающей деградации социально-политических институтов и процессов, которые под нее выстраивались», — заявил председатель Оргкомитета проекта, профессор НИУ-ВШЭ **Дмитрий Евстафьев**. Почему мы в нашем проекте объединяем Северный Кавказ и

Ближний Восток? Это оправдано следующими шестью причинами. «Во-первых, оба макрорегиона — территории незавершенной социальной модернизации и одновременно прерванной модернизацией экономической. Второе, оба макрорегиона являются территорией конкуренции социально-политических институтов различного порядка: архаических институтов, институтов премодерна и модерна, ослабленных в результате крушения систем советского модерна и арабского национализма. Есть элементы и постмодерна: в целом ряде стран можно говорить о существовании постиндустриальных анклавов. Третье, это территории условных границ государственного строительства и этнических границ. И в том и другом регионе они флюидны и зависят от ряда факторов, в том числе тех, которыми человек не может управлять: изменение направления ветра, увлажнений-засух и т.д. Четвертое, и Ближний Восток и Северный Кавказ — территории противоборства культурных, социальных и коммуникационных технологий и смыслов между городом и деревней. Нигде они не проявляются так остро, как в этих регионах. Пятое — наличие имманентных базовых сетевых связей... И шестое — это территории взаимодействия культур, которые порождают синкретические смыслы, синкретические идеологические конструкции. И мы пока не знаем, какие идеологические конструкции будут результатом событий на Ближнем Востоке и Северном Кавказе в конце 1990-х и в 2010-е годы. Поэтому главный запрос, который я вижу при исследовании этих процессов, — это запрос на комплексность и междисциплинарность понимания... Мы переоцениваем значимость и устойчивость политических институтов. История последних 50-ти лет говорит, что крушение крупных систем — государств, сообществ, организаций — начиналась с той фазы, на которой переставали работать социальные институты. Изучение событий на Северном Кавказе и на Ближнем Востоке позволит дать существенные ответы на вопросы о том, что такое новая глобализация и ее этапы», — сказал Евстафьев.

С докладом «Культурная политика в вопросах национальных и религиозных отношений» выступил и.о. директора Института Наследия **Евгений Бахревский**. «В названии проекта значится

“культурная политика”. Под этим словосочетанием мы понимаем и культуру, и информацию, и межрелигиозные отношения, которые строятся по единым принципам. То есть государство что-то делает в этой сфере на основании определенных документов. У нас в государственных документах стратегического планирования используются термины “российская цивилизация”, “ценности российской цивилизации”. На мой взгляд, культурная политика — целенаправленная трансляция ценностной системы собственной цивилизации, как внутри страны, так и вовне... Что касается Ближнего Востока и Северного Кавказа, регионы сходны между собой с точки зрения социальной, этнической и религиозной пестроты, но в то же время являются на протяжении столетий ареной противодействия трех имперских цивилизационных проектов. Речь идет о Византийской цивилизации, на месте которой возникла Османская империя, с другой стороны это Иран, а также Российская империя, которая является наследницей Монгольской империи и Золотой Орды. Конгломерат общин и традиций находился под влиянием этих трех факторов. Это уже само по себе накладывает свой отпечаток и на сегодняшнюю ситуацию. С одной стороны, сложился ситуативный союз России, Турции и Ирана, с другой — я вижу в нем попытку трех цивилизаций договориться о том, как действовать в регионе, о переустройстве в меняющемся мире... Если брать Ближний Восток и Северный Кавказ, очевидно, что мы предлагаем Ближнему Востоку нашу модель, как у нас устроено на Северном Кавказе. Захочет ли Ближний Восток взять за модель своего внутреннего устройства нашу модель, это большой вопрос. С другой стороны, мы должны посмотреть, как работает наша модель в тех условиях и устраивает ли она народы. Сравнение того, что происходит у нас и на Ближнем Востоке, — очень полезное дело. И проработка того, что нам делать на Ближнем Востоке, поможет разобраться с ситуацией на Северном Кавказе и сделать полезные выводы для наших внутренних дел», — сказал Бахревский.

Далее выступил член Оргкомитета проекта белорусский политолог **Юрий Шевцов**. По его словам, потенциальным эксклюзивом проекта может стать своего рода анализ и мониторинг ситуации на Ближнем Востоке, которая складывается по итогам всех

идущих там войн. И те культурные подвижки, которые там происходят, — исчезновение одних общин и появление других — очень динамичны, настолько быстро происходят, что их очень сложно зафиксировать. В числе таких подвижек, общин, на которые я обратил бы внимание, — христианские церкви и христианские общины в регионе. Те церкви и общины, которые очень долгое время существовали в регионе, находятся под угрозой уничтожения, и необходимо фиксировать, сколько их осталось. Тот формат, который у нас складывается: встречи и консультации с людьми из этого региона — это возможность получать информацию о том, что происходит с ними, по крайней мере, с теми из общественных групп и культурных общин, которые более-менее комплементарны России. То есть первое — это мониторинг и анализ, пользуясь теми ресурсами, которые находятся в нашем распоряжении посредством экспертной коммуникации. Второе, я поддерживаю мысль, что нужно думать о своих цивилизационных интересах в регионе, а не просто абстрактно изучать. И в этом смысле надо обратить внимание на интересантов с российской стороны, которые могут быть заинтересованы в более активном присутствии там. Прежде всего я видел бы такой группировкой ИГ (организация, деятельность которой запрещена в РФ), а такой общностью — церковь. У нас уже не раз звучали заявления патриарха и о священной войне на Ближнем Востоке и иных формах эмоциональной поддержки христиан региона. Возможно, церковь целесообразно привлечь в качестве участника обсуждений.

Мне кажется, в регионе происходят сложно прогнозируемые подвижки в суннитской среде. То она вспыхивает большими радикальными проектами, то наступает регресс. Здесь нужна точка входа в эту среду. Чисто абстрактно здесь может оказаться важным Северный Кавказ. Не знаю, насколько совместима суннитская культура на Ближнем Востоке с теми формами, которые сложились на Северном Кавказе, которые не радикальны и находят себя в рамках российской государственности. Потому что чем бы ни закончились боевые действия, это будет нужно. И наконец, мы туда приходим последними. Туда с похожими проектами заходят и Ватикан и Евросоюз, и другие. Здесь нужен диалог со всеми теми

игроками, которые там уже находятся. Но главная отправная точка — эксклюзивная постоянная информация о том, что там происходит.

По словам представителя Центра традиционных культур и члена Оргкомитета проекта **Александра Собянина**, Россия в регион приходит последней, это означает большую ответственность и необходимость налаживать отношения со всеми силами, причем не только политическими, но и культурными. Евразийская цивилизация, наверное, единственная способна найти взаимопонимание и с культурными элитами, не разделяя военный азарт российской стратегии. Необходимо выступать в регионе в качестве представителей российской цивилизации, а не «частной экспертной инициативы».

В регионе, особенно в культурных элитах, в этом есть потребность. Война на Ближнем Востоке уже идет, война подходит к нашему государству. И в этих условиях надо заботиться о победе и, как уже было сказано, послевоенном устройстве мира. И надо понимать, что в том, что касается послевоенного устройства, и Российская империя, и Советский Союз, и будущий Евразийский союз имеют уникальный опыт работы во вновь формируемом этническом и религиозном пространстве. Суннитская община для России является определяющей, учитывая состав мусульман в России и странах Евразии. И то, что Россия может работать и с национальными, и с культурными элитами, и с племенными, очень важно. Архаика, которой и на Кавказе и на Ближнем Востоке намного больше, чем в основной части Большой России, означает, в числе прочего, что будущее устройство будет иным, чем было до войны. Устройство Кавказа, социальные практики, коммуникации будут иными, чем были в советский период. То же самое можно сказать и о Ближнем Востоке.

Религиозные противоречия Ближнего Востока: как выйти из кризиса?

(Международная жизнь. 08.06.2018 // interaffairs.ru/news/show/20014)

ФОТО: newstes.ru.

В Москве на площадке Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) состоялась международная конференция «Положение этнических и религиозных меньшинств в условиях многонационального региона». Мероприятие состоялось в рамках проекта «Ближний Восток — Северный Кавказ: культурная политика в деле укрепления межнационального мира и межрелигиозного согласия» и стало составной частью масштабного форума, посвященного положению этнических и конфессиональных меньшинств Востока. Проект реализуется при поддержке Фонда президентских грантов. В конференции приняли участие представители России, Белоруссии, Израиля и Турции.

ФОТО: представители Израиля Мордехай Кейдар, Боаз Бисмут и Ариэль Бульштейн

В своем обращении к участникам конференции ее модератор, известный белорусский политолог, член экспертного совета Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), аналитик Центра политического анализа и стратегических исследований партии «Нур Отан» (Республика Казахстан) Юрий Шевцов обратил внимание на опыт этнической и конфессиональной коммуникации, который приобрела Россия на Северном Кавказе и Ближнем Востоке. Принципиальная позиция заключается в том, что российское руководство отказалось от политики унификации в пользу сохранения малых этнических и религиозных групп. Особое значение имеет опека над кавказскими мусульманами просвещенного суфийского ислама, представляющего собой альтернативу ваххабитскому радикализму. В то же время гуманная модель, предлагаемая Российской Федерацией на Ближнем Востоке, нуждается в союзниках. Ими могли бы выступить Турция и отчасти Израиль.

Бывший посол Государства Израиль в Мавритании, главный редактор газеты «Израэль Айом» Боаз Бисмут заявил, что еще никогда ранее его страна не была так интегрирована в региональные

процессы, как это происходит сейчас. Особую роль для Израиля имеют закулисные отношения с крупнейшими арабскими государствами — Саудовской Аравией и странами Персидского залива. По словам дипломата, европейские политики подчас слишком упрощенно понимают природу происходящих в регионе конфликтов, не понимая, какую роль в их эскалации имеют племенные и религиозно-конфессиональные различия. Кроме того, политическая карта Ближнего Востока во многом сохраняет те черты, которые были приданы ей колониальными администрациями в XIX–XX веках.

Как подчеркнул Боаз Бисмут, Израиль, вопреки тому, что о нем иногда заявляют на международной арене, вовсе не пария мировой политики и не находится в изоляции. Об этом, например, может свидетельствовать исторический визит премьер-министра Индии Нарендры Моди, состоявшийся в июле 2017 года. «Активные торговые отношения с нами стремятся развивать Япония и Южная Корея. Они обеспокоены экономическим ростом Китая и понимают, что он не может быть безграничным», — добавил эксперт.

Боаз Бисмут считает, что в Европейском союзе господствует упрощенное и политкорректное представление о конфликте на Ближнем Востоке. На самом деле речь идет не столько о территориальном, сколько о религиозном противостоянии, и палестино-израильский конфликт представляет собой лишь одно из его измерений. Дело в том, что на Востоке принципиально по-иному понимают понятие политической свободы, понимая под ней право на признание своей этнорелигиозной группы. В связи с этим дипломат напомнил слова наследного принца Саудовской Аравии Мухаммеда бин Салмана о том, что евреи имеют такое же право на землю на Ближнем Востоке, как и палестинцы. Это заявление имело большое значение для Израиля, как и решение США о переносе своего посольства на территорию Иерусалима.

Анализу содержания и изменений внешней политики Турецкой Республики за последние несколько лет было посвящено выступление эксперта Фонда политических, экономических и социальных исследований (SETA), специалиста по политическим институтам, этнополитической ситуации в Турции и странах Ближнего

Востока Вейселя Курта. По словам эксперта, Анкару крайне беспокоят события, происходящие в Сирии, поскольку Турецкая Республика имеет с ней 900 километров совместной границы. На протяжении длительного времени Турция выступала в качестве посредника между Израилем и Сирией, надеясь на то, что принятые Дамаском реформы приведут к положительным изменениям в стране. Однако после того, как стало понятно, что Башар Асад не смог справиться с подобной задачей, позиция турецкого руководства изменилась. Вовлечение Турции в сирийский конфликт, а также в сопряженный с ним конфликт на территории Ирака носит долговременный характер. В настоящее время в своих отношениях с Дамаском и Багдадом Анкара руководствуется двумя задачами: сохранением целостности Сирии и противодействием экстремистским движениям, начиная с ИГИЛ и заканчивая некоторыми курдскими объединениями, включая «Рабочую партию Курдистана».

Известный израильский арабист, полковник военной разведки (АМАН) в отставке, профессор Университета Бар-Илан в Рамат-Гане Мордехай Кейдар дал подробный анализ социальных структур обществ и аспектов самоидентификации в странах Ближнего Востока, в основе которой лежит традиционное и племенное сознание. В этих условиях навязанный европейскими странами времен колониализма и мандатных систем Лиги Наций принцип национального государства эпохи модерна откровенно противоречит системе ценностей местных народов. История таких стран, как Ирак, Сирия, Ливия, Судан, только подтверждает это. Согласно точке зрения М. Кейдара, возникшую проблему можно было бы решить путем образования «естественно обусловленных» государств и государственных образований (эмиратов) по образцу Объединенных Арабских Эмиратов, Катара, Кувейта.

«Необходимо помнить, что на Ближнем Востоке процесс формирования современных институтов начался в XIX веке, после Египетского похода Наполеона, — подчеркнул Мордехай Кейдар. — Нельзя навязывать современные западные образцы государственного строительства народам, которые не верят в писанный закон, а следуют воле Аллаха».

Концепция Мордехая Кейдара вызвала значительный интерес у российских участников конференции. Однако они отметили, что ее практическое использование вряд ли сможет решить все проблемы, связанные с распространением террористических и экстремистских идеологий.

Политолог, исламовед Галина Хизриева считает, что наиболее серьезная угроза, мешающая установлению мира на Ближнем Востоке, — это распространение «теологии насилия», которая по своей природе не является чисто исламской. Скорее она представляет собой продукт взаимопроникновения постмодернистских европейских философских концепций и ультрарадикальных элементов в мусульманстве. ИГИЛ в этой ситуации стал своеобразным государством-симулякром с террористической идеологией, представляющей собой альтернативу девальвированной системе ценностей. Этот фактор, а также возрастающая фрагментация религиозного поля на Ближнем Востоке крайне осложняет обстановку в регионе

Такая ситуация не является чем-то уникальной именно для нашей эпохи. Прецеденты появлялись и ранее. Галина Хизриева обратилась к истории Европы и напомнила, что нечто похожее по тональности можно встретить в «Проповеди перед князьями» Томаса Мюнцера, противостоящей и средневековому учению католической церкви о двух мечях, которое служило в качестве обоснования тезиса о верховенстве власти Папы Римского над светскими государями, и доктрине «отца Реформации» Мартина Лютера о двух царствах, согласно которой светская власть божественна по своей природе и ей необходимо подчиняться. Мюнцер идет дальше: он обращается к образам Апокалипсиса и говорит о наступлении Царства Божия на земле и о «божественном мече», врученном «избранным», чтобы покарать «нечестивых».

«На Ближнем Востоке появляются государства-симулякры с террористической идеологией. Идет фрагментация религиозного поля. Это крайне осложняет обстановку в регионе.» (Галина Хизриева)

Адвокат и публицист, член совета директоров «Института Жаботинского» (Израиль) Ариэль Бульштейн рассказал об основных

национальных и религиозных меньшинствах Израиля и их роли в жизни современного общества. В частности, среди этнических и конфессиональных меньшинств в Израиле представлены:

– арабы-бедуины (кочевые арабы; 220 тыс. человек, из них 150 тыс. — в пустыне Негев);

– друзы, включая и друзов Голанских высот. Большинство из них лояльны Государству Израиль. Охотно поступают на военную службу, в том числе в подразделения, действующие на наиболее опасных направлениях. Составляют 1,7% населения страны;

– арабы-христиане;

– представители Ахмадийского мусульманского джамаата (центр общины — гора Кармель на северо-западе страны);

– черкесы (переселенцы с Северного Кавказа, проживают в Рехани и Кфар-Каме; письменность на основе кириллицы);

– христиане-марониты;

– греко-католики (45 тыс. человек);

– греко-православные (38 тыс. человек);

– римо-католики (28 тыс. человек);

– копты (2 тыс. человек);

– приверженцы Армяно-григорианской церкви (2 тыс. 100 человек; в основном в Армянском квартале Иерусалима и в Яффе);

– сторонники бахаизма. Центр религии — в городе Хайфа; также важные объекты поклонения находятся в Акко (на севере Израиля, в Западной Галилее);

– самаритяне. Их культурный центр — Шхем. Проживают также в пригороде Тель-Авива — Холоне и у горы Гризим близ города Наблус (на Западном берегу реки Иордан);

– вьетнамцы (300 человек, эмигрировавших после войны в Индокитае 1965–1975 годов).

По словам Ариэля Бульштейна, на международной арене Израиль зачастую сталкивается с обвинениями в апартеиде. Однако среди, например, израильских арабов нет тенденции эмиграции из страны. Напротив, представители остальных народов страны нередко выказывают недовольство политикой «позитивной дискриминации», осуществляемой израильским правительством. Согласно ей арабы, например, имеют право на поступление в вуз без

вступительных экзаменов, а на Храмовой горе есть возможность молитвы исключительно для мусульман.

В то же время серьезной проблемой, которая вызывает беспокойство у Министерства внутренних дел, является практика оформления фальшивых браков между арабами — гражданами Израиля и лицами неизраильского происхождения. Нередко такая процедура используется экстремистами для натурализации, подготовки и совершения терактов на территории Государства Израиль.

Эксперт Фонда политических, экономических и социальных исследований (SETA) Хусейн Альптекин подробно рассказал о положении курдов в Турции. По его словам, этническая ситуация внутри страны представляется не совсем такой, как она видится издали многим западным политологам.

По словам эксперта, курдская проблема имеет три измерения: культурное, политическое и государственной безопасности. С культурной точки зрения, курды лишены права преподавания на родном языке. Такая возможность существует только в рамках дополнительного образования. Все районы расселения курдов представляют собой территории со смешанным населением. При этом в сельской местности идет процесс интеграции арабов и турок в курдскую культурную среду и отуречивания курдов в городах. Кроме того, курды разделены по языковым диалектам, существенно отличающимся друг от друга.

Не меньший раскол наблюдается и в сфере политических симпатий. Половина курдского населения Турции стабильно голосует за Партию справедливости и развития Реджепа Эрдогана, другая половина — за курдские партии, выступающие под лозунгами автономии или независимости регионов.

Наконец, с точки зрения государственной безопасности в Турции ведется борьба против группировок, так или иначе связанных с «Рабочей партией Курдистана», силами «сельских стражников» — 80-тысячной курдской милиции, получающей финансирование от турецкого правительства. Поэтому большинство жертв среди курдов связано с внутренним противостоянием проправительственных и вооруженных группировок. Впрочем, по словам Хусейна Альптекина, обстановка в стране постепенно меняется, и не исключено,

что решением турецкого парламента курдам будет предоставлена автономия.

Эта идея нашла свое отражение в докладе доцента Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), кандидата исторических наук Любови Цыгановой. По ее словам, главная угроза, стоящая перед Ближним Востоком, — это экономическая модернизация, проводимая в отсутствие обеспечивающих ее социальных институтов. Современный человек живет в поликультурном мире, поэтому формирование культурной компетентности, противостоящей нарастающей энтропии, остается одной из важнейших задач современного образования и науки. Коммуникация становится невозможной без глубокого знания различных культурных символов соответствующих культур. В свою очередь, для успешного взаимодействия с представителями других культур каждый человек должен владеть хотя бы необходимым культурным минимумом своих партнеров по коммуникации.

«В поликультурном мире коммуникация, в том числе политическая, неотделима от культурной компетентности ее участников.» (Любовь Цыганова)

Идею этого доклада развил арабист, профессор НИУ ВШЭ Дмитрий Евстафьев. Он подчеркнул, что на Ближнем Востоке идет борьба между подвергаемыми деконструкции институтами общества модерна и глобальной архаизацией с вкраплением постиндустриальных анклавов. По его словам, государствам, активно вовлеченным в ближневосточные конфликты, — Турции, Израилю, США и странам Европы — желательно было бы, выстраивая собственные далеко идущие комбинации, не уничтожить сам Ближний Восток, поскольку угроза катастрофического развития событий в этом регионе остается вполне реальной.

*АНДРЕЙ ТОРИН
редактор журнала «Международная жизнь»*

Мордехай КЕЙДАР

«В Вашингтоне — говорят,
а в Москве — делают»

(jewish.ru. 17.08.2018 // jewish.ru/ru/interviews/articles/187052)

В эксклюзивном интервью Jewish.ru отставной полковник военной разведки АМАН и профессор Мордехай Кейдар рассказал, как решить арабо-израильский конфликт, и объяснил, почему Трамп много говорит, но мало делает, а все главные решения принимаются в Москве.

— С чем связаны столь частые визиты израильского премьера Биньямина Нетаньяху в Россию?

— Все предельно просто: в Вашингтоне люди лишь говорят, а в Москве — делают. И это — огромная разница. Благодаря этому за последние четыре года Россия превратилась в самую влиятельную страну на Ближнем Востоке — намного влиятельнее, чем США. Барак Обама даже слышать ничего не хотел о Ближнем Востоке, а уж тем более связываться с этим регионом. Трамп, конечно, другой, но

разница между ними состоит только в том, что именно он говорит, а вот делает он — не так много. Трамп не привел в регион и не задействовал армию США. Американцы, конечно, продолжили борьбу с ИГИЛ (запрещенная в России организация. — *Прим. ред.*), но в отношении реальных целей, вроде Ирана, США не сделали ничего.

Таким образом, перед вами одно государство, которое занимается конкретными делами, а другое — ничего не делает. Тогда чего ожидать? Израильские руководители приезжают в Москву, потому что решения, которые здесь принимаются, гораздо важнее для Ближнего Востока, чем те, что принимаются в Вашингтоне!

— В Москву приезжают не только израильтяне. Осенью впервые в истории Москву посетил король Саудовской Аравии Салман бин Абдель Азиз. Израиль также сближается со многими арабскими странами региона, хотя и неофициально. С чем связаны эти подвижки?

— Ключ к пониманию происходящего на Ближнем Востоке в течение последних нескольких лет — Иран. Это самая влиятельная страна на Ближнем Востоке, если вынести за скобки Россию. Иран активно участвует в событиях в Йемене, Ираке, Сирии и Ливане. Суннитские страны арабского мира боятся Тегерана. Они хотят избавиться от иранской проблемы.

Нестабильность на Ближнем Востоке связана с тем, что Тегеран стоит за атаками против израильтян, американцев, саудовцев. Единственная страна региона, которая может противостоять Ирану и вообще что-либо предпринять в отношении Тегерана, — это Израиль. Это факт, и все об этом знают. Поэтому арабы и начали выстраивать отношения с Израилем, а вовсе не оттого, что неожиданно полюбили еврейское государство. Некоторые ведут эту линию открыто, некоторые из-за кулис.

— Однако не могут ведь все процессы на Ближнем Востоке быть связаны с одним лишь Ираном? Многие процессы имеют свои причины и внутреннюю логику.

— Да, конечно. Я, кстати, довольно подробно рассказывал об этом во время недавней поездки в Москву на конференции «Положение этнических и религиозных меньшинств в условиях многонационального региона». Главная трагедия Ближнего Востока

связана, конечно, с противоречием между традиционным характером местных обществ и современным государством модерна, которое было навязано колониальными державами.

— **Вы считаете, что это неразрешимое противоречие?**

— Можно говорить о нескольких пластах противоречий. Традиция на Ближнем Востоке связана с групповым мышлением и принадлежностью к группе, точнее — к многим группам одновременно. Во-первых, к религиозной группе. Вы — мусульманин, христианин, иудей, алавит, друз, езид или зороастриец. Во-вторых — принадлежность к «секте» или группе внутри вашей религиозной конфессии: суннит или шиит, суфий или салафит, католик, православный или яковит и т. д. Третий уровень — этнический. Вы араб, курд, туркмен и кто-то еще. И далее, уже внутри этносов, идет разделение по племенам, кланам и большим семьям. В итоге складывается целая иерархия и система разделений на «мы» и «они». И вы можете быть врагами, даже если живете в соседних домах, а ваши дети учатся в одной школе.

— **Государство как институция ничего с этой системой сделать не может?**

— Привнесенное извне на Ближний Восток современное государство пытается отбросить все эти традиционные самоидентификации и ввести новую «гражданскую» лояльность — верность паспорту. И люди сталкиваются с проблемой, как им себя определять: по традиционным лекалам или в соответствии с новым «государственным» подходом. И эта линия разлома проходит не только внутри отдельных государств, но и в каждой семье, и в каждом сердце. Этот конфликт идентификаций и есть корень большинства проблем Ближнего Востока.

— **Каков выход из этой ситуации?**

— Противоречия между традиционным мышлением и современным государством модерна и есть источник всего зла на Ближнем Востоке от Ирака на востоке до Марокко на западе и от Сирии на севере до Йемена на юге. И у вас нет никакого другого выбора, кроме как уважать эти общества, их ценности и традиции. На изменение культур уходят века и реки крови. Решение ближневосточных проблем не может быть связано с навязыванием западных решений об-

ществам, которые не верят в сотворенные людьми законы, равенство между представителями различных религий и свободу женщин.

Британцы создали Ирак, французы — Сирию и Ливан, но в итоге и те и другие оставили после себя ад. А вот в Персидском заливе эти ошибки были учтены, и, уходя, британцы оставили в основном гомогенные страны с однотипным мышлением, традициями, культурой. Поэтому необходимо исправить наследие колонизаторов, создав государства, основанные на стабильных, легитимных в глазах населения традиционных племенных структурах и эмиратах по образцу монархий Персидского залива. Там удалось построить процветающие государства, причем не во всех из них богатство основано на экспорте углеводородов: например, в Дубае нефть составляет ничтожный процент от ВВП эмирата.

— Вы считаете, что модель «эмиратов» подходит для всех государств и территорий Ближнего Востока?

— Для несостоявшихся государств — да. Таким образом будет обеспечена безопасность и стабильность в достаточно однородных по составу странах и появятся новые возможности для развития. В частности, это оптимальный вариант для решения палестинской проблемы. В Палестинской автономии собраны кланы и группы самого разного происхождения, которым просто не ужиться друг с другом. Речь идет о районах Дженина, Тулькарма, Калькильи, Иерихона, Шхема, Рамаллы, арабской части Хеврона и сектора Газа.

— В этой связи нельзя не спросить про курдов, которые практически идеальный объект для изучения. Они очень разнородны, но ведь стремятся к единому государству?

— Курды действительно разделены и фрагментированы, и именно поэтому они не имеют своего государства. Курды не сотрудничают друг с другом, а в некоторых случаях просто не могут общаться: курдский язык, на котором разговаривают в Сирии, очень далек от того, на котором курды говорят в Иране. В этом смысле они больше напоминают славянские народы. Но вообще курды — это крупнейшая этническая группа, у которой нет государства, и они его заслуживают. И это вопрос справедливости. Но, конечно, им самим решать.

Михаил Чернов

Россия пришла на Ближний Восток надолго, заявил эксперт

(РИА Новости. 26.08.2018 // ria.ru/religion/20180628/1523602279.html)

Фото: РИА Новости / Сергей Сафронов

Россия долго будет определять процессы на Ближнем Востоке, однако для развития региона стоило бы взять модель Северного Кавказа, считают участники конференции, посвященной способам укрепления межрелигиозного мира.

Встреча в Дагестане проходит в рамках проекта «Ближний Восток — Северный Кавказ: культурная политика в деле укрепления межнационального мира и межрелигиозного согласия», который проводится при поддержке Фонда президентских грантов.

«Россия пришла на Ближний Восток надолго. Россия будет в значительной степени, независимо от того, как все сложится в Сирии и конкретно в других регионах, достаточно долго определять то, что происходит на Ближнем Востоке», — отмечает руководитель проекта Михаил Чернов.

Он сравнил ситуацию на Ближнем Востоке с тем, что было на Северном Кавказе 15–20 лет назад. По словам эксперта, Россия, как и сам Кавказ, во многом справились с проблемами в северо-

кавказском регионе. В то же время, как отметил он, «определенные сложности остаются».

«Но многие модели, которые здесь осуществляются, обрабатываются, на мой взгляд, могут использоваться при урегулировании ситуации в той же Сирии», — пояснил Чернов.

Суть этой модели, подчеркнул эксперт, заключается в том, что Россия поддерживает все малые культуры без исключения, все религиозные и этнорелигиозные группы на Кавказе. Кроме того, государство «создает условия для мирного развития и мирного сосуществования культур и их интерграции в общество».

В свою очередь член оргкомитета проекта, и.о. директора Института Наследия Евгений Бахревский отметил, что северокавказский регион является матрицей «для нового порядка на Ближнем Востоке».

«Несмотря на сложную и тяжелую историю последних веков, тем не менее, как мы себе представляем, люди на Северном Кавказе смогли найти удобные формы взаимодействия между разными народами и цивилизациями. Причем в регионе, где все очень тесно друг с другом общаются», — сказал он.

Исламские теологи уделяют Дагестану особое внимание, заявили в муфтияте

(РИА Новости. 26.08.2018 // ria.ru/religion/20180628/1523557545.html)

Фото: РИА Новости / Максим Богодвид

Сообщество теологов и российские власти уделяют большое внимание развитию исламского богословия в Дагестане, заявил руководитель департамента образования и науки Духовного управления мусульман Дагестана Мурад Шафиев.

«На самом деле сегодня очень много проблем в этой области. В области теологического образования республика Дагестан является таким субъектом, которому уделяется большое внимание и с федерального центра и сообщества теологов», — сказал он.

Эта проблема для региона, как отметил представитель мусульманской общины, очень значимая. В то же время он заявил, что богословская школа в Дагестане является одной из самых сильных в стране.

Теология признана научной дисциплиной решением Высшей аттестационной комиссии (ВАК) в 2015 году. В 2016 году стала возможна защита работ по этой дисциплине, когда были созданы диссертационный и экспертный советы. Ранее глава Минобрнауки

Ольга Васильева заявила о необходимости укрепления кафедр теологии в российском образовательном и научном пространстве. Так, количество бюджетных мест в вузах по этой специальности на 2018/19 учебный год будет, по ее словам, увеличено.

ФОТО: Шафиев Мурад Магомедович — руководитель департамента по образованию и науке Муфтията Республики Дагестан, Сеидова Гюльчохра Надировна

Научное издание

БЛИЖНИЙ ВОСТОК —
СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ
культурная политика
в деле укрепления межнационально-
го мира и межрелигиозного согласия

Под редакцией, составление *Михаила Игоревича ЧЕРНОВА*

Подписано в печать 26.10.2018. Формат 60x88/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 9,0. Тираж 150 экз. Заказ № 504.

Издатель Воробьев А.В. М., ул. Профсоюзная, 140–2–36

Типография ООО «Телер». 125299, г. Москва, ул. Космонавта Волкова, д. 12.

Лицензия на типографскую деятельность ПД № 0059